

МБИ: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

Форум: БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Протокол № 2-1

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

БИОГРАФИЯ И БИОКРИТИКА

(Из переписки Д. Шалина, А. Алексева, Б. Докторов, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсова, В. Шляпентоха, а также Л. Борусяк, Б. Вульфовича, А. Готлиб, В. Дмитриевского, М. Илле, Р. Ленчовского, В. Ядова, Б. Рубла. Сентябрь - ... 2011)

Часть 1

От редактора-протоколиста

Не далее как вчера на сайте “[Международная биографическая инициатива](http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html)” был вывешен (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html; http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf) и разослан заинтересованным лицам текст первой дискуссии из форума «Биографика, социология и история». Дискуссия называлась: “[О “незримом колледже” и биографических интервью](#)”.

Настоящая дискуссия, под названием «**Биография и биокритика**», является продолжением первой.

Материалы групповой переписки по электронной почте на указанную тему упорядочены, как правило, в хронологическом порядке. Все тексты публикуются с согласия авторов.

Инициатором и шеф-редактором (не модератором!) данной дискуссии является **Дмитрий Шалин**.

Андр. Алексеев. 8.09.2011

**

Содержание:

I. Биография и биокритика: острые вопросы и фундаментальные проблемы (включение 1)

II. Спор разгорается (включения 2 – 5)

III. О членстве в КПСС и о перспективах герменевтики (включения 6 – 7)

III. Том Соьер, который красил забор (включения 8 – 19)

V. «Приветствую идею сетевого колледжа... Буду следить с удовольствием»
(В. Ядов) (включения 20 – 21)

VI. Б. Докторов: Оглядываясь назад и заглядывая вперед (включения 22 – 22а)

VII. Расширение круга. Уточнение формата дискуссии (Предварительные итоги,
включения 23 – 30)

**

I. Биография и биокритика: острые вопросы и фундаментальные проблемы

*Включение 1. Д. Шалин – А. Алексеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову,
Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Шляпентоху*

29.08.2011

Дмитрий Шалин

О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике

Приношу извинения Борису Вульфовичу (см. Дискуссию [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#), отметина 60. – А. А.) за терминологические трудности с заметками о биографическом повествовании. Я стараюсь не злоупотреблять узкопрофессиональной терминологией, особенно когда имею дело с неспециалистами, но мои комментарии адресовались коллегам по цеху, понятия “герменевтика”, “нарратив”, “фрейм” устоялись в нашей дисциплине, и поэтому я не считал нужным их расшифровывать.

Затрудняюсь ответить на возражение относительно термина “нарратив” в применении к биографическому дискурсу, поскольку не совсем его понимаю. Если речь идет о том, что биография по своей сути нарративна и что два термина дублируют друг друга, то позволю себе с этим не согласиться. Есть авто/биографии, где практически отсутствуют признаки рассказа как серии связанных событий-эпизодов, из которых складывается жизнь человека. Пример тому книга “Набросок к самоанализу” с ее выразительным подзаголовком “Это не автобиография”, где Пьер Бордье описывает свою профессиональную карьеру, выводя свои научные предпочтения из классовой структуры французского общества и иерархической природы академического мира, при этом всячески чураясь повествовательных деталей (Бордье называет свои откровения “безличными исповеданиями”).

Что касается неологизма “биокритика”, то за пределами узкого круга исследователей биографического дискурса в рамках проекта [“Международная биографическая инициатива”](#) и [“Архивы Ирвинга Гофмана”](#) оно малоизвестно. Трудно сказать, приживется ли этот термин и его производные, но это вопрос второстепенный. Смысл, который я вкладываю в это понятие, можно передать другими словосочетаниями. Ольга Маховская предлагает назвать данный подход “критико-биографическим”. (см. Дискуссию [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#) отметина 65. – А. А.)

Можно и так, хотя биография обычно включает в себя критику, и вряд ли современный биограф признает свое повествование некритическим. Рас/согласование аффекта, слова и дела – центральная проблема биокритической герменевтики – хорошо известный феномен, никакого открытия здесь нет. Биокритика отличается от обычного биографического исследования тем, что видит в рассогласованности поведения, эмоций и мыслей онтологическую данность, условие человеческого существования. Опираясь на принципы прагматистской семиотики, биокритическая герменевтика разрабатывает метод реверсивного (обратного) редактирования, цель которого систематически сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, не вошедшими в бионарратив и указывающими на альтернативные возможности само/объективации.

Я описывал биокритический подход в разных работах, включая последнюю статью в “Телескопе” (Шалин Д. [В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексеева с Дмитрием Шалиным](#) // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2011, №); но, судя по реакции Володи Шляпентоха (см. Дискуссию [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#), отметина 55; см. также: Шляпентох В. [Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?](#) // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2011, № 4) на мои заметки, в этом не преуспел. “Дмитрий и его коллеги поразительным образом склонны, как правило, доверять своим собеседникам как людям, желающим и могущим снабдить их фактами о том, если использовать знаменитые слова немецкого историка 19 века, “что было на самом деле” в прошлом”, пишет Володя в своем комментарии. “Между тем поклонники биографического метода абстрагируются от того, что их респонденты переполнены в момент интервью (как в прочем и в тот период, о котором они вспоминают) пристрастиями, преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей... Впрочем, сторонники биографического метода с розовыми представлениями о готовности их респондентов говорить “правду, только правду и всю правду” по сути порождены американской эмпирической социологи[ей], которая в целом и по сей день отличается удивительно романтической верой в природу человека и, в частности, в его стремление быть честным со всеми и в том числе с социологами”.

Не стану защищать американскую социологию (хотя моим здешним коллегам такое размашистое суждение вряд ли покажется обоснованным), но вступлюсь за своих коллег по МБИ. Никто из них, насколько мне известно, не склонен “бестрепетно доверять автобиографиям видных людей”. Все они подчеркивают сложность интерпретации биоинтервью, ненадежность человеческой памяти, необходимость учитывать возможные искажения и использовать триангуляцию при обработке данных. Пять лет назад Наташа Мазлумянова писала (цитата приводится в моей статье о нарративной идентичности) о том, что респондент погружен “в культуру приемлемых ролевых сценариев, “легенд” (почти как у разведчиков), скрытых за текстом личностных систем ценностей, установок, неартикулированных мотивов, интенций”. Эту же мысль Мазлумянова развивала на форуме МБИ: “То, что говорит респондент – всего лишь версия событий, осложненная массой искажений, которые обусловлены, опять-таки, массой причин. Текст интервью можно положить в основу исследования, но следует дополнять его другими материалами – в меру их доступности и пригодности в данном случае”. А вот что писал Андрей Алексеев в 2006 году по поводу моего метода: “Практически каждый автор у него предстает (и действительно является!) некоторым творцом “легенды” собственной жизни и профессиональной карьеры, в которой что-то выпячено, а что-то затушевывается, а что-то и вычеркнуто из памяти, иногда сознательно, иногда бессознательно это происходит... И Д. Ш. как бы ловит наших коллег на таких “смещениях акцентов””. То есть, меня скорее можно обвинить в излишней дотошности, чем в склонности принимать на веру данные биоинтервью.

В начале своих заметок о нарративной идентичности я привожу выдержку из интервью 1990 года, где обсуждалось увольнение Павла Буторина из Института конкретных социальных исследований, и указываю на целый ряд неточностей в изложении фактов этого дела. Приводя цитату из интервью о мотивах моего решения эмигрировать, я тут же оговариваюсь, что мои рассуждения могут быть “рационализацией”, прикрывающей иные мотивы и побуждения. Целая секция в моих заметках посвящена ретроспективным ошибкам и недоговоренностям в интервью, размещенных на сайте МБИ. Биокритическая герменевтика тем и интересна, что проблематизирует нарративную идентичность и призывает к осторожности в интерпретации биоинтервью. Так что критика Володи, мне кажется, не по адресу.

Вышесказанное не значит, что наши взгляды на природу и потенциал биоинтервью совпадают, что мы имеем дело с недоразумением, которое можно списать на неточность формулировок, полемический задор, и т.д.

Шляпентох призывает доискиваться объективной реальности, проверять достоверность информации, разводить факты и ценности, но что стоит за этими понятиями не уточняет. Понятия эти подвергались осмеянию в постмодернистских теориях, с которыми Володя ассоциирует и мой подход к биографии. О своих расхождениях с постмодернистской эпистемологией я писал (см. пятую главу в книге [Pragmatism & Democracy](#)), но не все в этом дискурсе ошибочно. По крайней мере со времен Канта философы подвергали критике стремление схватить вещь в себе, установить “что было на самом деле”, и в той степени, в какой постмодернисты импровизируют на эту тему, с ними можно согласиться. Реальность обретает объективные характеристики по мере того, как она становится объектом человеческой деятельности. Для Канта эта деятельность была когнитивной; для Маркса – материально практической; для Джона Дьюи и прагматистов – предметной, эмоциональной, когнитивной и коммуникативной. Это особенно важно иметь в виду, когда мы обращаемся к социальной реальности. Последняя неразрывно связана с нашей сознательной деятельностью, с предрассудками и ценностями, без которых невозможен социальный факт. Но если постмодернизм берет на вооружение скептическую деконструкцию, отрицающую саму возможность истины, то прагматизм нацелен на реконструкцию, которая понимает истину как исторически сложившееся, социально фундированное, и практически достигнутое единство знания и реальности.

Официальная статистика утверждает, что безработица в США в июле 2011 года достигла 9.1%. Но этот факт не учитывает людей исчерпавших пособие по безработице, переставших искать работу, занятых менее чем на 50%. Посчитайте этих людей, и процент безработных в Америке может удвоиться. Определение понятия “безработный” зависит от предпосылок и ценностей исследователя, от его либеральности или консерватизма, посему и объективная реальность, отраженная в статистических данных, несвободна от оценочного момента. Прагматизм подчеркивает многообразие ценностных систем отсчета, в которых реальность раскрывается в своей соотношенности с человеческой практикой как объективный (исторически заданный, социально конституированный, и практически достигнутый) феномен.

Участники настоящей дискуссии сходятся на том, что биоинтервью подвержены разного рода искажениям, что их нужно проверять, но расходятся в том, как это лучше делать. Установить достоверность того или иного факта важно, тут я согласен с Володей Шляпентохом, и во многих случаях это сделать несложно. Например, в интервью 2006 года Володя указывает на низкий уровень преподавания социологии в Мичиганском университете и замечает по ходу дела, что “на моей кафедре методы опроса не являются обязательной дисциплиной для аспирантов”. Я прочел, удивился, вышел на сайт университета в Ист Лансинге, и нашел там следующее требование к аспирантам-социологам: “All graduate students are required to take, or have taken the equivalent of, one semester statistics course approved by the Methods Committee... All graduate students are

required to take, or have taken the equivalent of SOC 885 Methods of Sociological Inquiry” (URL: <http://www.reg.msu.edu/AcademicPrograms/ProgramDetail.asp?Program=4536>). И далее перечисляется полдюжины курсов по статистике и методам исследования, из которых аспиранты должны выбрать классы по статистике и методологии исследования. Возможно, эта информация на университетском сайте устарела, но проверить ее достоверность не предоставляет труда.

Разумеется, не все факты можно опровергнуть или подтвердить с помощью компьютера и поисковой системы в интернете. Борис Раббот рассказывает в своем интервью (см. Раббот Б. [«Как внутренний эмигрант, я все время жил в закрытой стойке»](#)), как, будучи студентом университета, он отказался стать стукачом и был за это избит до полусмерти сотрудниками компетентных органов. Можно покопаться в архивах КГБ (хотя вряд ли там сохранились материалы дела), порасспросить современников, проанализировать жанровые особенности этого и схожих эпизодов в биоарративе Раббота, проследить его склонность к преувеличению, и затем уже судить о вероятности данного эпизода. Но как быть, если не нашлось надежного источника, подтверждающего достоверность данного события? Володя Шляпентох считает, что в таком случае его не стоило публиковать. Я с ним не согласен. У нас нет достаточных оснований считать эпизод, описанный Рабботом выдумкой, но даже если бы он таким оказался, его можно рассматривать как информацию, сигнализирующую о характеристиках ее носителя. То, что является “шумом” в одном отношении, может выступать “сигналом” в другом. Биоинтервью лишь первая стадия в работе биокритика, что я старался подчеркнуть в своих заметках о биоарративной идентичности, приводя слова Тынянова о необходимости быть бдительным в работе с документами.

Именно поэтому я обратился через посредника к Леониду Баткину с просьбой прокомментировать интервью Раббота, особенно ту его часть, где Борис рассказывает о работе в качестве референта Румянцева. В своей записке от 24 июня 2011 г. Баткин сообщил следующее (я исправил несколько опечаток в его послании): “До 1967 года я преподавал в Харькове эстетику, в Институте искусств, по распоряжению Обкома меня выгнали с работы по политическим мотивам и предупредили, что новой работы в городе я не получу. Год я оставался безработным. Затем покойный М.Я.Гефтер предложил мне сотрудничать в Институте всеобщей истории у него в секторе. Гефтер был тайным консультантом вице-президента Румянцева, поэтому я чудом смог перебраться в Москву в декабре 67 года. Вся связь с Румянцевым по поводу меня шла через его доверенного помощника Бориса Раббота. Условием переезда и работы стало мое согласие писать тексты для академика. У Румянцева тогда была репутация “либерала” и я, наивно предполагая, что смогу косвенно протащить какие-то правдивые соображения, - согласился. Это “спичрайтерство” продолжалось в 1968-1972 годах. Я сделал несколько больших и важных статей и докладов, и даже длинное закрытое письмо Румянцева генсеку по поводу угроз антисемитизма и национализма, но увидел, что мои тексты неизменно редактировались кем-то и принимали гораздо более сглаженный вид. Поэтому я отказался продолжать эти двусмысленные занятия, да и времена уже требовали от вице-президента совсем иного, “строгого” тона публикаций. Так кончилась эта история (с Рабботом чисто приятельские отношения продолжались до его отъезда)”.

Записка Баткина проливает свет не только на его сотрудничество с Румянцевым, но и на то, что я называю “личной герменевтикой” участников событий (см. Д. Шалин, [“Галина Саганенко и Валерий Голофаст: Гарвардское интервью”](#) // Телескоп, 2008, №2, с. 22; здесь и далее цитаты приводятся по версии, размещенной на сайте МБИ). Если верить Баткину, то доклады Румянцеву писал не только, а возможно и не столько, Раббот. Борис опустил этот факт в своем интервью, что существенно для понимания его как респондента и личности. Можно понять тех участников МБИ форума, кто засомневались во врожденном диссидентстве Раббота. Сравните рассказ Бориса с тем, как Андрей Алексеев ответил на мой вопрос, когда он окончательно освободился от

коммунистических иллюзий: “Если рассуждать не об ощущениях а, о поступках, то считайте, что позавчера. [До этого] не хватало не просто способностей, а именно силы духа, мужества додумать до конца и перейти от нравственного противостояния к политическому”. Думаю, что сомневаться в достоверности этого утверждения не приходится.

Другой пример почерпнут Шляпентохом из интервью 1996 года, в котором Игорь Кон объясняет, почему он решил вернуться в СССР из заграничной поездки. Володя спрашивает, “можно ли вот так принимать на веру, что Игорь Кон потому не остался в Голландии в 1965 году, что у него была “начатая работа””? Нет нельзя. Но ведь Игорь не ограничивается этим мотивом в описании причин, побудивших его оставить мысль об эмиграции. Вот полный текст его обоснования: “Можно было остаться, попросить убежища. Но такие мысли оставались абстрактными. Я думал, что подведу товарищей, есть начатая работа. Была надежда, что все-таки что то образуется. Потом этих надежд уже не возникало... Один только раз я серьезно об этом думал – даже предупредил маму... Мама знала, и мой друг знал. Потом он страшно обрадовался, когда я вернулся. Но всегда сдерживало [сознание того], что я при деле, что делаю что-то важное. А что я буду делать [на Западе]? Ну, будет у меня другая кормежка, будут лучшие условия, но сомнения, зачем мне это нужно и что я от этого приобрету, были всегда. К материальным благам я был равнодушен, меня больше интересовала моя работа”.

Перед нами сложная мотивационная сетка. Тут и сознание того, что его невозвращенство может кому-то повредить, что дома остался близкий “друг”, что ситуация в России может улучшиться, что на Западе его никто не ждет, что дома осталась интересная работа, что материальные блага для Игоря второстепенны по сравнению с творческим поиском. Ни одна из этих мотивировок не самодостаточна, но в своей совокупности они указывают на работу амбивалентного самосознания и дают реалистическую картину мотивационного поля, в котором Кон принимал судьбоносное решение об эмиграции.

“Без оглядки на механизм рационализации мотивов”, пишет Володя, “Шалин ставит задачу “проанализировать структуру мотивировок в дискурсе эмигрантов, покинувших Советский Союз в годы застоя и сравнить ее с авторефлексией оставшихся в России ученых”. Ну почему же без оглядки на рационализацию. Конечно, нужно анализировать мотивировки, принимать во внимание возможность само/обмана, сравнивать противоречивые диспозиции, сопоставлять вербальные и невербальные индикаторы. Не нужно быть биокритиком, чтобы понять, что структура мотивации не тождественна структуре поведения. Да и сам Шляпентох соглашается со мной, когда пишет, что “ответы о мотивах всегда полезны, как один из источников информации, позволяющих что-либо понять о ценностных ориентациях, об идеологических пристрастиях респондентов и о способах их приспособления к реальности в момент интервьюирования”. Значит, исследовательский коллектив МБИ работал не зря.

Я не думаю, что “только большие романисты типа Томаса Манна или Лиона Фейхтвангера имеют моральное право рассуждать о мотивах поведения людей”. Мотивация плодотворно исследовалась в социальных науках, в том числе социологических, например в работах Райта Милса, Кеннета Берка, Ирвинга Гофмана, Стэнфорда Лаймана, Майрона Скотта и других исследователей изучавших словари мотивов и типы самооправданий (accounts) в разных суб/культурах. Для социологов мотивация это форма вербального поведения, которая следует логике отличной от логики невербального поведения. Что значит мотивировать поступок (действие, поведение, линию жизни)? Если говорить о ретроспективной конструкции, то мотивировать поведение значит 1) проследить его истоки, намерения, цели, 2) обрисовать социально-исторический контекст действия, 3) определить ресурсы достижения поставленной задачи, 3) описать трудности реализации плана и его возможной корректировки, 4) сравнить конечный результат с интенциями и обрисовать непредвиденные последствия, 5)

подвергнуть критике данную линию поведения и извлечь из него уроки на будущее. Тут благодатное поле для работы биографа и биоkritика.

В этой связи хотелось бы поспорить с Эдиком Беляевым. В своих комментариях (см. Беляев Э. [Замечания по поводу интервью социологов и на статью Д. Шалина](#); см. также Дискуссию "["О незримом колледже" и биографических интервью](#)", отметина 58) на мои заметки он пишет, что у него "совсем нет склонности заниматься анализом того, кто что сказал, кому и когда, и верно ли это. Я считаю, что подобного рода деятельность совершенно бесплодна", поскольку она "ничего не дает для социальных наук, в лучшем случае что-то дает для истории или биографии, или художественной литературы". Социология не занимается отдельными лицами и избегает моральных оценок, основанных на личных симпатиях и антипатиях. Ее задача осветить работу общества в целом и его отдельных институтов, найти закономерности (patterns) в поведении и вербализации бытующих в конкретных социальных общностях. В одном месте Беляев говорит, что "моральное"- "аморальное" поведение для объяснения индивида, на мой взгляд, бессмысленно. Оно находится совершенно в другой сфере и научному анализу не подлежит". Однако, в другом утверждает, что "социолог должен видеть сложное взаимодействие между личными интересами (и соответственно поведением) и ценностями (или моралью)". То есть, моральные факторы социологу все-таки следует принимать во внимание. "В этом смысле собранные интервью социологов на самом деле очень ценны, если мы не будем заниматься личностями интервьюируемых, заниматься тем, что кто кому сказал и насколько это правда. Эти интервью в их совокупности создают хорошую картину того, на каком фоне развивалась советская социология и каковы были её интеллектуальные корни, каков был интеллектуальный и психологический климат в стране".

Позиция ортодоксального социологизма имеет много сторонников. Восходит она к Дюркгейму, для которого "настоящим автором является общество". В биографических исследованиях этой позиции придерживается Пьер Бордьё. В своей программной статье "Биографическая иллюзия", Бордьё высмеивает "желание стать идеологом собственной жизни посредством извлечения из нее нескольких событий якобы следующих общему плану и спаянных причинно-следственной связью, желание разделяемое биографом, особенно профессиональным интерпретатором, склонным приветствовать такое искусственное смыслообразование" (Pierre Bourdieu, "The Biographical Illusion" p. 298 in *Identity: A Reader*. London: Sage Publications, 2000). Социологическому анализу подлежат только "институционализированные формы разговора о себе", утверждает Бордьё, а не их воплощение в авто/биографических опытах отдельных авторов. Именно поэтому, анализируя свою интеллектуальную эволюцию, Бордьё отказывается разбирать случаи из своей жизни и отвечать на конкретные претензии его коллег и учеников, обвинявших его в жестокости и высокомерии. Вместо анализа конкретных ситуаций Бордьё предлагает туманные заверения, что у него были веские причины тормозить карьеру одного ученика, критиковать другого, игнорировать работы коллеги из смежной области, и т.д. (Володя Ядов рассказал мне, как он пытался поговорить с Бордьё о своей диспозиционной теории, на что мэтр просто отмахнулся от него). Бордьё не хочет нисходить к конкретике, отвечать за собственные действия, предлагая в взамен Дюркгеймовский анализ, редуцирующий собственные предпочтения и выбор человека вообще к историческим характеристикам социального поля и типичному габитусу, приобретенному в ходе социализации, занижая при этом роль человека как субъекта морального выбора ответственного за свои действия.

Мне ближе позиция Плутарха, заметившего пару тысячелетий назад, что "большие дела и свершения не всегда дают нам возможность понять добродетели или пороки людей; иногда самые малые события, простой человеческий жест или шутка, куда красноречивее свидетельствуют о характере и особенностях человека, чем грандиозные осады, блестящее вооружение и кровавые сражения" (Plutarch's Lives. Vol. II. New York:

The Modern Library, p. 139). Интерес к частному, повседневному вызывал недоверие у многих социологов конца 19-го начала 20-го столетия, и понадобилось время, чтобы узаконить биографическое исследование в социологическом каноне. Классическая социология рассматривала личность как производное ее социальной среды, полагая, что индивиды в конечном счете располагаются по силовым линиям социального поля подобно железным опилкам магнитного поля. Но и поведение опилок нельзя предсказать с уверенностью, когда они оказываются на пересечении множества силовых линий, а в квантовой механике поведение частиц еще более проблематично. К тому же мы знаем по работам Пригожина, что существуют диссипативные структуры и странные аттракторы, вокруг которых неожиданно могут складываться новые поля. В человеческом обществе существование таких диссипативных процессов и аттракторов тем более важно. Понять природу возникновения новых форм жизнетворчества, способных повлиять на ход истории – эту задачу ставили перед социологией Дильтей, Вебер и Дьюи. В их работах мы находим понимание того, что жизнь общества в целом неразрывно связана с привычками и предрассудками его индивидуальных членов, с жизненным курсом и биотраекториями индивидов и групп. Отсюда интерес современной социологии к частному, личному, спонтанному, хаотичному.

Можно и нужно анализировать действия Парыгина, Сигова и Руткевича и сравнивать их рационализации с жизненной стратегией Ядова, Кона и Левады. Столь же полезно разобрать структуру обстоятельств, мотивировок, и характерологических особенностей, приведших одних к решению эмигрировать, а других остаться в России. Эдик приводит мнение Павла Буторина – “уезжали, потому что создалась благоприятная ситуация и люди просто ею пользовались. И не надо ничего придумывать”. Но ведь не все уехали, кто-то остался; значит, ссылкой на благоприятные условия здесь не обойтись; нужно понять человека как субъекта действия, способного делать выбор, не всегда предсказуемый, и – хочу подчеркнуть этот момент – ответственного за выбор перед собственной совестью, современниками и потомками.

Тут встает сложный комплекс этических проблем, с которыми сталкиваются исследователи МБИ. Как должен вести себя интервьюер, можно ли задавать провокационные вопросы, что нужно выбросить из окончательного варианта биоинтервью, за кем остается последнее слово в редактировании текста, как быть с нелицеприятной информацией относительно третьих лиц, следует ли определить временной рубеж, после которого конфиденциальная или скандальная информация может быть предана гласности? Вопросы эти широко освещались в материалах МБИ и в дискуссиях невидимого колледжа. Консенсуса по этим вопросам нет и, наверное, быть не может.

Что касается роли интервьюера, то есть две ключевые метафоры – интервьюер как “радиоприемник”, добросовестно передающий вверенный ему бионарратив (Лариса Козлова), и интервьюер как “артист”, создающий в соавторстве с собеседником портрет респондента (Андрей Алексеев). К первой позиции тяготеет Боря Докторов: “Я хочу, чтобы мои герои подали себя с лучшей стороны” (см. заметки о бионарративе). В этом же ключе развивается мысль Олега Божкова: “Социолог не следователь, его задачей не может и не должно стать уличение (изобличение) информанта в искажении фактов, в сознательном или бессознательном обмане (а биографические данные чаще всего искажаются именно бессознательно). Задача социолога – установление взаимосвязи между различными социальными фактами” (Божков О. [Биографии и генеалогии: Ретроспективы социально-культурных трансформаций](#) // Социологический журнал. 2001. № 1).

Биокритические установки заставляют меня задавать вопросы, которые можно расценить как провокационные. Вопросы эти могут повлиять на реакцию собеседника. Так я спрашивал Старовойтову и Леваду, приходилось ли им задумываться об эмиграции, Алексева и Фирсова об эволюции их коммунистических убеждений, Голофаства и

Грушина о компромиссах, на которые пришлось им идти ввиду их партийности. Тут важен такт, интуиция, подсказывающая, о чем можно спросить и где надо остановиться. Биокритические интервью имеют более свободную форму. Интервьюер должен быть готов последовать за неожиданно всплывшей темой, указать на возможное противоречие в аргументах собеседника, привести пример из собственной жизни. Роли респондента и интервьюера здесь временами меняются – биокритик становится респондентом, а его собеседник расспрашивает интервьюера. Наиболее интересные беседы у меня были с респондентами в формате взаимного интервьюирования, биокритического диалога.

Биоинтервью чистого вида – редкость. Как правило, в каждом случае присутствуют разноформатные, гибридные элементы. Но есть и общая тенденция, отражающая установки интервьюера, задачи исследования, а так же степень близости респондента и его собеседника (это можно увидеть, сопоставив [интервью Беляева](#), данное мне в 2008 году и [интервью Беляева](#) Боре Докторову в 2010) Личные отношения между собеседниками в биоинтервью могут повлиять на ход беседы и осложнить интерпретацию бионаратива. Не всегда ясно как быть со свидетельствами о респонденте и третьих лицах, содержащими нелицеприятную информацию. “Возникает вопрос: как же быть с правдивой информацией, которая негативно характеризует самого рассказчика или других его героев? Что предпочесть исследователю: милосердие или научную честность? Здесь интервьюер близок к проигрышу в любом случае: или он “обеляет” кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непопорочности” (Козлова Л. “[Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания](#)” // Социологический журнал, 2007, № 2).

Я и мои коллеги не раз оказывались в ситуации, где респондент начинал рассказывать о каком-то деликатном эпизоде и затем спохватывался, не зная, стоит ли ему продолжать, или просил выключить магнитофон. В таких случаях я говорю собеседнику, что мы можем оставить эту тему, что при желании респондента проблематичное событие или откровенное суждение останется конфиденциальным, что у него будет возможность изъять из окончательного варианта интервью любой его кусок. В моей практике было несколько случаев, когда респондент отказался от идеи обнародовать интервью или его значительную часть после прочтения расшифровки. Был один случай, когда респондент попросил снять с сайта (это не был проект МБИ) текст, провисевший там несколько месяцев. Я снял мемуары (это были именно мемуары, а не интервью), но предупредил человека, что материал уже разошелся и его судьба от меня не зависит. [Через какое-то время мемуарист попросил меня вернуть его текст в электронный архив].

Ситуации такого рода высвечивают важные особенности мемуарной этики и этики интервьюирования. Что-то респондент может недосказать, что-то исказить, но он может сказать и, как правило, говорит больше, чем намеривался (отчасти по этой причине Гофман отказывался давать интервью). У собеседника могут возникнуть сомнения по поводу всего процесса, желание что-то изменить в ранее опубликованном тексте или полностью изъять его из обращения. Люди, охотно дающие интервью и пишущие мемуары, не любят напоминаний о том, что они говорили или писали в прошлом. Некоторые ссылки на мемуарные материалы, опубликованные на других интернетных платформах и не продублированные на нашем сайте сейчас не доступны пользователям МБИ. Проблема может быть чисто технической (сайт, где первоначально размещался материал, закрыт или находится в ремонте), но возможно и сознательное решение автора сохранить свои ранние излияния.

Еще более острые проблемы возникают в натурном эксперименте, где исследователь является непосредственным участником событий, а его соучастники не подозревают, что вовлечены в эксперимент, результаты которого могут быть опубликованы с поименным перечнем участников, описанием ключевых событий и оценкой поведения актеров невольной драмы. Я спрашивал своих коллег в Росси и

Америке о мемуарной этике, и обнаружил, что по этому поводу мало, что написано и нет единого мнения. С Наташей Мазлумяновой у меня был интересный обмен мнений на эту тему, в ходе которого она высказала любопытное соображение: чем более интимно мы знаем человека, тем шире круг вопросов, которых нельзя касаться в мемуарах о данном лице. Схожую мысль высказал Хауард Беккер, сокурсник Гофмана, сказавший мне, что он был его близким другом Ирвинга и остается другом его семьи, и поэтому не считает возможным вдаваться в подробности его жизни. Мне эта позиция понятна, хотя здесь встает вопрос, насколько можно доверять мемуарам о близких людях (Беккер опубликовал истории из жизни Гофмана), учитывая их избирательность и потенциальную тенденциозность.

Как у всех биографов и интервьюеров, у меня накопилось много не задействованных биоматериалов. [Например, какие-то суждения в выше цитированном письме Баткина я счел нужным опустить.] Сын Гофмана рассказывал мне об отце и семейных секретах, и мне пока неясно, что из этих сенсационных свидетельств следует обнародовать, а что нет, не смотря на то, что ни отца, ни сына уже нет в живых. Даже материалы завещания Гофмана и его первой жены, по Американским законам доступные всем интересующимся, содержат подробности, которые неловко предавать гласности. Когда я спросил членов совета по проекту “Архивы Ирвинга Гофмана”, стоит ли выложить эти материалы на сайте АИГ, мнения разделились, и за отсутствием консенсуса, я решил их не публиковать. Серьезный историк, биограф, литератор не может игнорировать такую информацию, но как тут быть социологу, работающему современном режиме? Должен он сохранить материалы такого рода для будущих исследователей? Когда можно опубликовать закрытые документы и частную переписку – через 30, 50, 100 лет?

Джеймс Босвелл, автор, быть может, самой известной биографии нового времени, “Жизнь Сэмюэля Джонсона”, собрал множество материалов о своем современнике, блестящем интеллектуале 18-го века, но не решился опубликовать отдельные свидетельства, сложив особо интимные материалы в папку под названием Tascienda (не отсюда ли “Потаенное” Розанова?). Из материалов этой серии мы знаем о мазохистских наклонностях Джонсона, о том, чем он занимался в постели со своей падчерицей, и проч. Если бы Босвелл уничтожил эти биоданные, о них мы вряд ли бы узнали. Босвелл этого не сделал, и сейчас ученые изучают творчество Джонсона в свете его телесных практик. Здесь встает вопрос о значимости интимных, стигматизирующих подробностей для понимания жизни и творчества человека, каков бы ни был его статус и историческое значение. Стоит обсудить, кому и как решать такого рода вопросы.

И последнее, чего хочу коснуться в своих комментариях на комментарии нашего незримого колледжа – что делать с ИБИ материалами? Боря Докторов поднял этот вопрос на МБИ форуме, но я от него более или менее отмахнулся. Кто хочет, тот и будет пользоваться, как захочет, так пусть и использует. Наше дело собрать материалы, по возможности их обработать, ввести в научный оборот, а там уж каждому решать по своему усмотрению. Но, наверное, стоит поспросить участников нашей дискуссии о том, кто над чем работает.

Боря Докторов пишет книгу, в которой подводит итоги своего проекта по истории советской и отчасти постсоветской социологии. Андрей Алексеев, наверное, продолжит собирать и обрабатывать материалы по интеллектуальной истории современности, используя метод наблюдающего участия. Не знаю планов Ларисы Козловой, но полагаю, что она может задействовать архивы МБИ при изучении научных сетей, внутри- и междисциплинарной коммуникации, методологии и практики биоинтервью. У Наташи Мазлумяновой, дай бог ей здоровья, есть заделы по методологии биографического исследования, профессиональным карьерам российских ученых, творчеству ее учителя и коллеги Геннадия Батыгина, и можно надеется, что она продолжит работу в этих направлениях, привлекая по мере возможности архивы МБИ. У [Романа] Ленчовского

есть наработки по философии самосознания и интеллектуальной жизни, хочется верить, что в недалеком будущем он присоединится к нашему форуму.

Что касается меня, то мои планы расплывчаты, особенно в том, что касается МБИ. Несколько лет назад я начал что-то вроде контент-анализа биоматриалов МБИ в русле моей работы по социологии эмоций (см. D. Shalin, "[Agency Scan and E-motion Template Matrix Analysis: Theory, Methodology, Preliminary Results](#)"). В рамках этого проекта я составил таблицу частично обработанных данных (см. приложение под скрепкой), где отслеживал социально-демографические характеристики российских социологов, распределение аффективных маркеров в их интервью, а также способы подведения итогов маститыми учеными, обзорающими свою научную траекторию и достижения. Потом забросил эту работу под напором дел и проектов, и не знаю, когда смогу вернуться к этой теме.

Уже несколько лет читаю античные автобиографии и автобиографическую прозу разных эпох. Есть мысль написать работу под названием "Две с половиной тысячи лет автобиографической прозы. Изократ, Цицерон, Сенека, Августин, Монтень, Руссо". Хочу добавить к этому списку или Кона с его "80 лет одиночества" или Михаила Гаспарова с его "Записками и выписками" (построенными по модели "Аттических ночей" Авла Геллия), но не знаю, что из этого получится, учитывая объем работы и хронический недостаток времени.

В более отдаленной перспективе исследование житетворчества Ирвинга Гофмана на материалах АИГ, хотя о предварительных результатах я уже докладывал на нескольких конференциях (см. D. Shalin, "[Goffman's Self-Ethnographies: Interfacing Biography, Theory and History](#)").

Вот, пожалуй, и все, что касается круга интересов нашего незримого колледжа. Рад, что смог закончить эти заметки, поскольку завтра первый день осеннего семестра и возможность продолжить диалог будет ограничена.

Спасибо веем участникам МБИ форума за дружеские чувства и интереснейшую дискуссию.

В надежде на продолжение разговора,

Ваш, Дмитрий

Приложение:

**

II. Спор разгорается

***Включение 2.** А. Алексеев - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Д. Шалину, В. Шляпентоху, Б. Фирсову, М. Илле*

29.08.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Я думаю, также и Вы были внимательными и увлеченными читателями заметок Дмитрия Шалина «О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике», разосланных им сегодня членам нашего «незримого колледжа». Это -

текст на мировоззренческие, методологические и этические темы, составляющие предмет нашего общего интереса.

1) Сразу скажу, что по подавляющему большинству вопросов, затронутых в этих заметках, я с автором солидарен. Это - что касается утверждений. Там же, где Дмитрий в чем-то сомневается, я готов сомневаться вместе с ним.

Мне думается, что его возражения на «критику биографического метода» и т. д. со стороны В. Шляпентоха и Э. Беляева совершенно справедливы. Я и сам писал о том же, в рамках нашей нынешней дискуссии, в своем комментарии (см. выше, 7.08.2011) (*имеется в виду Дискуссия ["О "незримом колледже" и биографических интервью"](#), отметина 55. – А. А.) к эссе В. Ш. ["Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?"](#), опубликованному в Шляпентох's блоге, а теперь еще и в журнале «Телескоп» (2011, № 4).*

Кстати, ввиду последнего обстоятельства я хотел бы увидеть этот отклик Д. Ш. и в «Телескопе», по крайней мере - в той его (отклика) части, которая касается полемики с В. Ш.

Со своей стороны, повторю, что Владимир Эммануилович, обычно соединяющий пронизательность с увлеченностью, на этот раз, как мне кажется, «погорячился», приписав Шалину и его коллегам то, против чего они сами категорически возражают.

2) Воспользуюсь случаем высказаться сейчас лишь по одному из спорных моментов заметок Д. Ш. - касательно «мемуарной этики». Я не стану возражать против включения в историко-биографический анализ, как видно, мало симпатичных «телесных» или «стигматизирующих» подробностей жизни Сэмюэля Джонсона, жившего, как известно, в 18-м веке, коль скоро достоверная информация о них дожила до наших дней (а не дожила бы – так и Бог с нею). Но я бы наложил хотя бы 10-летний «мораторий» на обсуждение наших покойных коллег – хоть интервьюируемыми, хоть интервьюерами, хоть мемуаристами, хоть исследователями – в любом аспекте, *который мог бы как-то затронуть их честь и достоинство* или мог дать повод для опровержения (самозащиты), будь человек жив.

А если уж так заботиться об «исторической правде» то, пожалуйста, закладывайте свои «компроматы», как свидетельства, в архивы (хоть личные, хоть общественные), а уж будущие историки пускай разбираются.

Этакой бестактностью в отношении тех, кого уже нет с нами, грешат и некоторые материалы на сайте МБИ. Что уже вывешено - убирать не надо, только впредь – модерировать (или, если угодно, цензурировать). <...>

3) Отдельного разговора заслуживает сама постановка вопроса и пионерский опыт Дмитрия по применению контент-аналитических процедур к массиву биографических нарративов (биографических интервью), помещенных на сайте «Международная биографическая инициатива. Понятно, что здесь принципиально важно формулирование задач и гипотез исследования, чем обуславливается и матрица единиц и категорий анализа.

4) Очень интересен, и дерзок, и оригинален замысел Дмитрия - «Две с половиной тысячи лет автобиографической прозы». От Цицерона и Сенеки... до Кона и Гаспарова. Так и хочется добавить из русских: Пушкина, Герцена, Цветаеву, Петкевич, Гачева...

5) Хочется обратить внимание коллег на очень емкое и вместе с тем популярное авторское определение «биокритической герменевтики»:

«Рас/согласование аффекта, слова и дела – центральная проблема биокритической герменевтики – хорошо известный феномен, никакого открытия здесь нет. Биокритика

отличается от обычного биографического исследования тем, что видит в рассогласованности поведения, эмоций и мыслей онтологическую данность, условие человеческого существования. Опираясь на принципы прагматистской семиотики, биокритическая герменевтика разрабатывает метод реверсивного (обратного) редактирования, цель которого систематически сопоставить отредактированную версию нарративной идентичности с событиями, не вошедшими в био-нарратив и указывающими на альтернативные возможности само/объективации».

Пожалуй, на этом ограничу свой «импульсивный» отклик на текст Дмитрия. Рассылая его всем коллегам, приложу, «для контекста», кумулятивный текст нашей групповой переписки, от начала июля до сего дня.

Ваш – Андрей Алексеев. СПб. 29.08.2011.

Дополнение. Из личного письма:

...Критику в адрес лиц, недавно ушедших из жизни, не запретишь, хоть для себя я это исключаю, и мне не нравится, когда это делают другие люди. Тут - вопрос совести, такта и интеллигентности... Я уже рекомендовал коллегам складывать свои "компроматы" и филиппики насчет покойных в свои архивы. Потомки - разберутся.

А ныне здравствующих - обличайте себе, на здоровье... А. А. 31.08.2011

**

***Включение 3.** О. Маховская – Д. Шалину. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, В. Шляпентоху*

29.08.2011

Спасибо, Дмитрий, за описание своего подхода, метода, их специфики и проблем.

Я прочитала Ваше эссе несколько раз и буду еще перечитывать. Настолько оно информативно. Спасибо, что пустили в свою мастерскую и потратили так много времени сбору первичных свидетельств, у которых, конечно, 2 автора, тот, кто говорит, и тот, кто слушает и вопрошает. Жалко, что такого мегапроекта нет для выехавших физиков-ядерщиков, и тем более, по другим причинам, он невозможен для психологов.

На одну лишь вещь я обратила на этот раз внимание - то, что кажется, в социологии не разводятся понятия общества и культуры, социального и культурного. Бурдые (у нас чаще так транскрибируют эту фамилию) говорит об институализированных мнениях, я-то предполагала раньше, что под габитусом он имеет в виду глубинные культурные установки. Теперь вижу, что ошибалась. И тогда, когда вы цитируете Наталию - "культура приемлемых сценариев", речь идет о социально-приемлемых желательных интерпретациях, а не о культуре.

Культурные сценарии в отличие от социальных, менее глубоких и устойчивых разве что в пределах генерации, могут содержать крайне нелицеприятные и даже губительные предписания. Например, убить отца - низвергнуть авторитет, уйти из семьи - бросить коллектив и т.д.

Эмоции, если я правильно читаю Ваши "аффективные" индикаторы интервью, зависят в большей мере от культурно-заданных сценариев. Этим объясняется, почему субъект ведет себя внешне адаптивно, разумно, перспективно, а при этом испытывает чувство стыда, горечи и отчаяния. Так можно понять и известный

эмигрантский феномен - ностальгия, не знаю, входило ли в Ваши планы сравнение самоощущения ученого там и здесь. Извините, я отстаю в своей осведомленности от всех участников дискуссии.

Еще раз - спасибо, есть над чем размышлять.

И - с новым учебным годом!

Ваша - Ольга Маховская

**

***Включение 4.** Д. Шалин – О. Маховской. Копия - А. Алексееву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, В. Шляпентоху*

30.08.2011

Добрый день, Ольга.

Спасибо за отклик и интересные дополнения в нашу общую копилку.

В принципе, проект такого рода можно распространить и на физиков и на лириков. Было бы желание и ресурсы. Может, кто и сподвигнется распространить МБИ на естествоиспытателей.

Не обращал внимания на установившуюся транскрипцию имени Bourdieu. Теперь буду знать.

Что до объема понятий “общество” и “культура”, то они иногда разводятся, иногда используются как синонимы. Бурдьё делает упор на структурные элементы общества – институты, иерархии, статус, социальные поля, профессиональные траектории. Не помню, выделяет ли он культуру в особую сферу, но, думаю, вполне можно сказать, как вы это делаете, что “под габитусом он имеет в виду глубинные культурные установки”.

Габитус - сложное понятие, которому Бурдьё дает различные определения, не всегда совпадающие по смыслу. Это и соматические индикаторы, и эмоциональные реакции, и поведенческие стратегии, и мировоззренческие предпочтения. Бурдьё говорит о первичном габитусе, вторичном габитусе, и я даже натолкнулся у него “третичный габитус”. Первоначальное значение термина было достаточно четким, но излишне детерминистическим. Более реалистичные определения одновременно и более расплывчаты [см. Shalin, D. “[Signing in the Flesh: Notes on Pragmatist Hermeneutics](#),” p. 215-6].

Эмоции, с которыми я имею дело в контент-анализе биоинтервью, вербальные. Как они соотносятся с психосоматическими индикаторами, не всегда ясно. Но по данным небольшой выборки, респонденты с клиническими симптомами депрессии, заполнявшие вопросник MoodCounts (URL: <http://sociologycdc.unlvad.nevada.edu>), отличались повышенными уровнем депрессивности и по вербальным индикаторам MoodCounts Survey.

До связи, Дмитрий

**

***Включение 5.** В. Шляпентох – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву, Б. Докторову, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, О. Маховской*

30.08.2011

Дорогой Дима: трудно найти более милого и дружественного оппонента, чем Вы. Боюсь, что, в основном, мы не договорились. Вашу остроумную ссылку на мою грубую

ошибку о преподавании курсов в моем собственном университете позвольте использовать как аргумент в мою пользу - нельзя респонденту верить ни в чем. Если Вы все-таки готовы пустить в научный оборот тексты Раббота, даже после материалов Лени Баткина (моего старинного друга и честнейшего человека) <...>, то Вы опять высказываетесь по сути в пользу безбрежного использования биометода. И признание важности учета рационализации выглядит чисто ритуально, ибо Вы не показываете на конкретном примере (на интервью Кона, например) как Вы намерены представлять интервью читателям, не знакомым с советской действительностью. По сути, Вы невольно не информируете о том, "что было", а создаете ложную картину о борцах за истину (в частности, о Коне, активном члене КПСС, авторе [сильно ортодоксальных] статей в "Философском Словаре", 1982, о которых он не упоминает ни словом). В моем отношении к биометоду я полностью солидарен с Бурдые, хотя и питаю к нему минимальное уважение, и не отрицаю полезность этого метода как одного из источников, требующего, однако, особой бдительности, больше чем, например, официальные материалы, такие как протоколы обсуждения "Лекций" Левады в разных инстанциях.

Что же касается моего поспешного обобщения о равнодушии абсолютного большинства американских социологов к эмпирической достоверности их информации (кроме ошибок выборки), то я буду благодарен Вам, если Вы найдете один параграф в работах Ваших невадских коллег, посвященный этой проблеме в публикациях их результатов.

Спорить с Вами - высочайшее наслаждение.
Ваш Володя

**

III. О членстве в КПСС и о перспективах герменевтики

***Включение 6.** А. Алексеев - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, В. Шляпентоху (было отправлено несколько дней спустя после датировки. - АА)*

31.08.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Как видно, дискуссия «О «незримом колледже» и биографических интервью» нашла себе продолжение и / или преемство в новой дискуссии, закоперщиком которой на сей раз выступил Дм. Шалин своей статьей (эссе) «О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике». На нее уже откликнулись, кроме меня, Ольга Маховская, Владимир Шляпентох; наверняка будут и еще реплики и «повороты» разговора.

Сейчас лишь обращу внимание, что вроде бы исключительно методическая тема «доверия к рассказчику» и «реконструкций нарративной идентичности» естественно переплетается с темой самого предмета (авто)биографических нарративов, каковым, в нашем случае, является идеологическое, профессиональное и житейское поведение людей нашего цеха (социологи), в частности, в советские времена, на которые приходится большая часть сознательной жизни наших коллег, особенно – старшего поколения.

И тут возникает искушение-установка - докопаться до самой, что ни есть, историко-биографической правды: кто чем занимался и как себя вел «до 1989 года»; в повестку дня встают проблемы явного и скрытого диссидентства, личной порядочности, сервиллизма, показной и искренней идеологической активности... Тема опасная, но и

правомерная (с единственной оговоркой, уже делавшейся мною ранее, - отдавать предпочтение в развертывании биокритики ныне живущим, которые могут за себя ответить, не тревожа – до времени – памяти недавно усопших, а их в нашем полку, к сожалению, все больше и больше).

Среди прочего – встает проблема *членства в КПСС* подавляющего большинства социологов старшего поколения и почти всех «отцов-основателей» современной отечественной социологии (кроме В. Шляпентоха и покойного Л. Гордона).

Я попробовал специально исследовать эту тему в работе под названием [“30 лет “в строю” \(Мое членство в КПСС\)”](#), опубликованной все в том же «Телескопе» (2011, № 3). По принципу «социологической ауторефлексии», взял самого себя в качестве субъекта-объекта рассмотрения. Но этот кейс сейчас опущу, а здесь приведу фрагмент упомянутой работы, посвященный общим постановкам вопроса и выводам из проведенного анализа.

(Приношу извинения тем из моих адресатов, кто с этим текстом знаком)

«...Вот теперь пора высказаться о том, как мне это видится *сегодня*, можно сказать, на склоне лет. И высказаться не только о себе, и вовсе не в исповедальном жанре, как в вышеприведенном отрывке.

Борису Докторову принадлежит опыт построения «лестницы поколений» новейшей российской (постхрущевской) социологии. С его концептуальной схемой и историко-наукоеведческой моделью я полностью согласен. Среди примерно 20 имен «отцов-основателей», первопроходцев, представителей первого поколения советских социологов, указанных им в одной из публикаций [1], только двое не состояли в КПСС.

Как интерпретировать этот факт?

Для начала, внесем коррективы в наши прежние (вышеприведенные) типологии, которые уместно охарактеризовать как слишком однозначно и экспрессивно очерченные. Вот, например, типология 2006 г: *цинизм; наивность; двоемыслие*. [2] Как правило, любое из этих определений может быть отнесено к тому или иному конкретному лицу лишь с массой оговорок, а к кому-то вообще ни одно не приемлемо. А вот типология из интервью 1997 г.: *подвижники; циники; «слепые»*. Ну и еще – *выживающие*. И тоже – сомнительно, и уж всяко, например, к первопроходцам нашей науки непосредственно не применимо.

Тут – в чем проблема? Во-первых, не социологам объяснять, что идеальные типы никогда не бывают представлены «в чистом виде». Во-вторых, все используемые слова слишком нагружены оценочными и эмоциональными коннотациями, причем, по большей части негативными.

Значит, если даже не отказываться от самого классификационного основания или принципа, надо поискать не столь жесткие определения или внести смысловые уточнения в термины.

Впрочем, и сама по себе аналитико-рефлексивная типология, которую я ныне намерен предложить, отличается от ранее использовавшихся автором этих строк.

Но прежде, чем подразделять, попробую указать на то безусловно общее, что характеризует, в частности, первое поколение советских социологов, тех, кто торил путь, кто в 60-е гг. минувшего века дал нашей нынешней социологии имя и смысл, кто возглавлял первые, ныне – легендарные, социологические коллективы, а некоторые из которых и по сей день остаются лидерами нашей науки. (Увы, многих уж нет).

Здесь испытаем нашу модель на оселке как раз *поколения первопроходцев-шестидесятников*, поскольку именно в этом поколении черты общественного лица, таланта и интеллекта наиболее отчетливо проявлены. Напомним, подавляющее большинство этих ключевых фигур новейшей отечественной (советской) социологии были членами КПСС. Была ли партийность их «достоинством» или «недостатком»?

Ну, тут возможны, пошлые объяснения: мол, «время было такое» или «а как же иначе?». Но вряд ли такого рода аргументы удовлетворят думающего читателя, тем более – вникающего в историю советской общественной науки.

Да и нужны ли нашим учителям оправдания, хоть перед собой, хоть перед учениками, не говоря уж о потомках? Вон, Ядов полемически озаглавил свою заметку-комментарий все к тому же интервью в «Телескопе» № 4: *«Как я не выходил из КПСС»*.

Сразу исключим версию сугубого «карьеризма», в смысле преимущественного поиска атрибутов власти, благосостояния, престижа. Исключим и версию сугубого «любопытства», в смысле абстрактного интереса к предмету исследования (как устроено общество и почему так, а не иначе). Не станем категорически отрицать у всех первопроходцев возможность такого рода мотиваций. Однако признаем, что главным было нечто другое. А именно – то, что можно назвать жизненной энергетикой, своего рода витальностью, «пассионарностью», если угодно.

Но пассионарным может быть и прохиндей. Здесь же это оплодотворялось тем, что сейчас бы назвали *гражданственностью*, тогда же – избегали этого слова, а предпочитали – «социально активную личность», или *активную жизненную позицию*.

Вполне в духе знаменитого Марксова тезиса о Фейербахе, эти философы (ну, не одни лишь философы...) стремились не только и даже не столько *объяснять* мир, сколько *изменить* его. Аура

шестидесятничества подпитывала романтически-утопическое, сознание, веру и надежду на «социализм с человеческим лицом», преодоление его (социализма) всяческих живучих «извращений» и «превращений» (не замечать их не могли!). Ну, и не только вера, разумеется, но и прагматическая уверенность, что надо познать общество, «как оно есть», чтобы усовершенствовать его, открывая путь к его (советского общества) процветанию и гармонии.

Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – таким мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.

Как это сопрягается с членством в так называемом «передовом отряде» общества сначала «победившего», а затем и «развитого» социализма? Да вполне естественно, хотя бы в силу того, что КПСС, по численности составлявшая примерно одну десятую взрослого населения страны, с равной интенсивностью «втягивала» и впитывала в себя – нет, не представителей разных социальных групп (здесь действовали квоты, «нужные пропорции», регулирование состава), а все разнообразие носителей высоких и низких человеческих качеств, схожих в одном – относительная *социальная активность*, каковы бы ни были ее (этой активности) источники, мотивы и цели. Люди, исполненные «ума и таланта» (по Пушкину), благородных стремлений и внутренней энергии – такими мне видятся наши научные учителя - не все, но во всяком случае большинство.[3] КПСС, этому «союзу единомышленников», *разномыслие* (по Фирсову)[4] и разнодействие на самом деле были свойственны не меньше, а иногда и проявлялись в нем ярче, чем в обществе в целом (так сказать, в среднем).

Понятно, что членство / не членство в КПСС не являлось ключевой, тем более - исчерпывающей характеристикой, неким атрибутом (сущностным качеством), а всего лишь одним из модусов, опосредующих связь между ментальным ядром личности и различными жизнепроявлениями и формами поведения. Вместе с тем, это было одним из индикаторов (не однозначным!) общественного статуса, жизненного успеха, престижа, но и не только, а также – в значительной мере – возможности *влиять на ход вещей*.

Здесь возникали конфликты несоответствия между обязанностью следовать «партийной линии» и - если не правом, то иллюзией участия в ее (этой линии) выработке. Беспартийные были от этих «роковых» противоречий счастливо избавлены, но и в возможностях самореализации и общественного влияния отчасти ограничены. Ну, тут каждый делал свой выбор - иногда осознанный, иногда интуитивный.

Кто-то вступал в партию в эгоистических интересах, а кто-то - из романтических побуждений (чтобы способствовать «улучшению» или «исправлению» общества [5]). Другие сторонились этой «привлекательной», но и «сомнительной» перспективы. Третьи «плыли по течению».

Ну, а теперь, попробую предложить укрупненное типологическое подразделение для мотивации и самоопределения членства в КПСС в эпоху «развитого социализма», опирающееся на все сказанное выше. Принадлежность к партии, которая представляла собой иерархическую структуру – от реально господствующей высшей номенклатуры до послушных и безгласных низовых партийных ячеек – могла иметь как минимум три мотивационных основания. Эти основания, имея принципиально разную природу, иногда сочетались в одном человеке - редко когда органично и в равных пропорциях. Так или иначе, ими можно описать и объяснить как «монолитность», так и «разнородность» партийной массы.

Я бы обозначил эти психо-социальные типы партийцев того времени - от излета хрущевской «оттепели» до заката брежневского «застоя», т. е. в период, когда сам состоял в рядах КПСС (30 лет «в строю», однако!) – как: (а) тип *конформиста*, (б) тип *карьериста* и (в) тип *идеалиста* (романтика). Здесь важна не только идентификация соответствующих черт, но и представление о каждом типе *в контексте* двух других, т. е. это, по-видимому, *системная триада*, в смысле Р. Баранцева.[6] Важно, далее, уже не раз подчеркивавшаяся здесь необходимость понимания того, что это типы – идеальные и редко когда представлены «в чистом виде».

Обратим внимание, что ни *цинизм*, ни *двоемыслие* в этой типологии не фигурируют. Хотя понятно, что цинизм так или иначе тяготеет в карьерному типу. А двоемыслие – достаточно универсальная характеристическая черта «человека советского» вообще, а члена КПСС, в частности.

Далее, ни одно из этих типологических определений не имеет преимущественно позитивной или негативной эмоционально-ценностной окраски. Итоговый общественный вклад мог быть как позитивным, так и негативным – и у «конформиста», и у «карьериста» (сюда, кстати, правомерно отнести и людей, искавших полнейшей самореализации в главном «деле жизни», для чего членство в партии оказывалось вовсе не безразличным), и у «идеалиста-романтика». И основания будь то для самоуважения, будь то для самоуничтожения у представителей разных типов бывших партийцев едва ли не равновесомы. Заслуживают безусловного морального осуждения или сожаления лишь крайние формы того или иного (например: «шагающий по трупам» карьерист, способный на предательство конформист или фанатический приверженец пусть даже благой идеи).

Не возьму на себя смелость высказываться слишком уверенно насчет количественных соотношений названных типов в партийных рядах. Предположу лишь, что, по крайней мере в низовых и «средних» уровнях партийной иерархии, конформистский мотив членства в КПСС преобладал над карьеристским, а карьеристский – над идеалистическим. Кроме того, надо иметь в виду, что со временем у субъекта могла и меняться ведущая мотивация принадлежности к партии.

Такой мне видится сегодня биографическая (и, если угодно, историческая) ретроспектива многолетних «пребывания в рядах» правящей партии значительной части моих сверстников и

современников, в том числе – коллег-социологов. Будем благожелательны, судя других, и строги - в суде над собой.

А теперь – предоставлю читателям разных поколений – как тем, кто «успел» состоять в КПСС, так и тем, кто не успел походить даже в комсомольцах - рассудить себя и других, самокритично и беспристрастно: к какому типу он бы себя (или кого другого...) отнес, если (бы) жил в 60-80-х гг. минувшего века (от которых мы так ли уж далеко ушли?)»

(Конец цитаты).

Примечания (в статье они подстрочные):

1. ...См.: Докторов Б. З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум, 2009, № 11).

2. Оговорим, что *двомыслие*, в отличие от *цинизма*, предполагает неосознанное раздвоение сознания. Циник знает, что лжет, он думает одно, а говорит другое; двоемыслящий убежден (или способен себя убедить), что говорит то, что думает (да и впрямь он искренен, говоря и действуя по обстановке).

3. _Разумеется, из сказанного вовсе не следует, что между социальной активностью и членством в КПСС существовала сильная прямая связь. Доля социально активных среди членов партии в общем была весьма умеренной, равно как и наоборот.

4. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы. История, теория, практика. СПб.: Изд-во ЕУСПб «Европейский дом», 2008.

5. _Лишь немногие из этих последних вырастали – сами и/или в силу обстоятельств - в подвижников, сознательных оппозиционеров, борцов с тоталитаризмом.

6. См. Баранцев Р. Г. Становление тринитарного мышления. М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2005.

В какую связь вышеприведенные рассуждения могут быть поставлены с обсуждаемым нами сегодня биокритическим подходом?

В своей работе [“В поисках нарративной идентичности...”](#) (Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 3) Дмитрий анализировал, в русле названного подхода, жизненные стратегии российских интеллигентов в условиях позднесоветского общества (1960-1980-е гг.), на материале биографических интервью, взятых им самим или другими исследователями у коллег-социологов.

Причем, главным предметом его интереса были внешние обстоятельства и побудительные мотивы «личного выбора в условиях несвободы». (Замечу, попутно, что эта тема актуальна для нас – *и не только в историческом плане!*).

Полагаю, что большинство участников настоящей дискуссии с этой работой Шалина знакомы. Наверное, справедливо будет сказать, что именно она лежит в истоке и нынешнего нашего обмена мнениями, поскольку открывающее настоящую дискуссию эссе является не чем иным, как полемическим ответом Дмитрия критикам указанной работы (см. Дискуссию [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#), отметины 55 и 58. – А. А.) .

Лично я следующим образом резюмировал бы предпринятое Д. Ш. в данной работе сравнение жизненной мотивации и жизненных стратегий российских социологов-эмигрантов, с одной стороны, и, с другой стороны, «не эмигрантов», навсегда связавших себя с отечеством

Как мне представляется, не следует пытаться приписать «безусловную правоту» тому или иному жизненному выбору. Этот выбор всегда является многофакторным и ситуационным. И достоинство человека определяется не его принадлежностью к той или иной социальной категории, а его персональным, *уникальным* сочетанием человеческих качеств и жизненных достижений.

То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в «передовой отряд строителей коммунизма» или же уклонился от этой «чести», «вышел на площадь», подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя «науке и только науке») само по себе не должно быть предметом - *ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления*. И только в контексте всего жизненного пути и «суммарных» жизненных итогов следует

рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства. Я бы сказал так: судите о человеке по совокупности тех «следов», которые он оставляет в жизни других людей, а не по отдельным, вырванным из жизненного и исторического контекста словам и поступкам.

Хотелось бы, чтобы биокритическая герменевтика, в смысле Д. Шалина, способствовала не только приращению социального знания, но и утверждению вышеуказанной этической максимы.

Андрей Алексеев. 31.08.2011.

**

***Включение 7.** А. Алексеев - Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, В. Шляпентоху (пока не отправлено. АА. 4.09.2011)*

2.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Мне показалась релевантной нашим сюжетам программа конференции, которая будет происходить в сентябре в НИУ Высшая школа экономики.

Я узнал об этой конференции из рассылки Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ. (Она тоже приложена ниже). Посылаю – для сведения.

Андр. Ал. 2.09.2011

**

<http://ricoeur2011.hse.ru/program>

**Международная конференция по исследованию трудов Поля Рикёра
'Новые перспективы герменевтики в социальных науках и практической философии'**

(National Research University 'Higher School of Economics Moscow
13-16.09.2011. 11 Pokrovskiy boulevard)

Preliminary Program of the Conference

Venue: Auditorium Г-313 (3-rd floor) for all the Plenary Sessions

Tuesday 13th September

8.30 – 9.30 – Registration

9.30 – 10.00

Opening Session

Alexey Rutkevich (The Higher School of Economics)

Olivier Abel (Fonds Ricoeur)

Dan Stiver and George Taylor (The Society for Ricoeur Studies)

10.00 – 12.00

Plenary Session 1

Chair: Alexey Rutkevich

Irena Vdovina (Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences – Russia)

Поль Рикер: Практическая Мудрость Философии / Paul Ricoeur: la Sagesse Pratique de la Philosophie

Olga Machulskaya (Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences – Russia)

Поль Рикер о Проблеме Адекватности Перевода в Контексте Теории Интерпретации / Paul Ricoeur sur le Problème de l'Adéquation de la Traduction dans le Contexte de la Théorie de l'Interprétation

12.00 – 12.15 – **Coffee Break**

12.15 – 14.15 – Parallel Sessions 1, 2

Session 1 (Auditorium Г-405)

Chair: Anna Borisenkova

Alejandra Bertucci (Universidad Nacional de La Plata – Argentina)

Symbol and Broken Ontology. About ‘The Graft of Hermeneutics onto Phenomenology

Adam Graves (Metropolitan State College of Denver – USA)

Before the Text: Ricoeur and Phenomenology of Revelation

Annamaria Lossi (University of Pisa – Italy)

The Writing Self: Story, Narration and Autobiography from Nietzsche to Ricoeur

Session 2 (Auditorium Г-405)

Chair: Alison Scott-Baumann

Claudia Pedone (Università del Salento – Italie), (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – France)

La Greffe Linguistique dans la Pensée Ethique de Paul Ricoeur. La Petite Ethique entre Philosophie Analytique et Tragédie Grecque

Jean Marc Tétaz (Suisse) – Identité Narrative, Souvenir et Mienneté

Alain Loute (Université Catholique de Louvain – Belgium) – Identité Narrative Collective et Lutte contre les Résistances

14.15 – 15.15 – **Lunch**

15.15 – 17.15

Plenary Session 2

Chair: Gonçalo Marcelo

Olivier Abel (Institut Protestant de Théologie, Fonds Ricoeur – France)

L'Engagement comme ‘Proche’ et comme ‘Socius’

Laurent Thevenot (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – France)

La Sociologie des Engagements à la Rencontre de la Philosophie Politique et Morale de Ricœur:
Capacités, Reconnaissances, du Proche au Socius

17.15 – 17.30 – Coffee Break

17.30 – 18.50 – Parallel Sessions 3, 4

Session 3 (Auditorium Γ-313)

Chair: Lisa Al-Faradzh

Kátia Mendonça (Université Fédérale au Pará – Brazil)

Chemins de la Sociologie de l’Ethique: l’Herméneutique de Paul Ricoeur

Clément Steuer (Laboratoire Triangle (UMR 5206) – France)

La Démarche Herméneutique dans le Domaine des ‘Aires Culturelles’: Apports et Appréhensions

Session 4 (Auditorium Γ-405)

Chair: Ekaterina Fen

Cesar Correa Arias (University of Guadalajara – Mexico)

Ricoeur as Teacher. Confronting the Process of Evaluation in Higher Education

Giovanna Costanzo (University of Messina – Italy)

In Search of ‘Lived Space’. Ethics and Politics in the Thought of Paul Ricoeur

19.00 – Welcome Dinner

Wednesday 14th September

10.00 – 12.00

Plenary Session 3

Chair: Anna Borisenkova

Alexander Filippov (National Research University ‘Higher School of Economics’ – Russia)

Nonostensive Reference of a Text’ and Descriptions of Social Events: towards a Reconciliation of Theoretical Sociology and Practical Philosophy

Iain MacKenzie (University of Kent – United Kingdom)

Events and the Critique of Ideology

12.00 – 12.15 – Coffee Break

12.15 – 14.15 – Parallel Sessions 5, 6

Session 5 (Auditorium Γ-313)

Chair: Alison Scott-Baumann

Gonçalo Marcelo (Universidade Nova de Lisboa / Universidade de Coimbra – Portugal)
Making Sense of the Social. Hermeneutics and Social Philosophy

Franco Sarcinelli (Bergamo University – Italy)
The Moral Subject and Social Praxis between Explanation and Understanding

Chiara Chinello (University of Rome La Sapienza – Italy)
Archaeology and Teleology in the Ricoeurian Social Vision

Session 6 (Auditorium Г-405)

Chair: Ekaterina Fen

Alexey Titkov (Moscow School of Social and Economic Sciences – Russia)
Can Electoral Geography Exist without Ricoeur's Hermeneutics?

Alexander Markov (Moscow State University – Russia)
Paul Ricoeur and Michel de Certeau on Political Equality: a Kind of Hidden Polemic?

Maria Yurlova, Anton Poluektov (Northern Arctic Federal University – Russia)
Phenomenology of the Political Subject by Paul Ricoeur as an Example of a Methodology of Social Knowledge / Феноменология Политического Субъекта Поля Рикера как Пример Методологии Социального Познания

14.15 – 15.15 – **Lunch**

15.15 – 17.15

Plenary Session 4

Chair: George Taylor

David Pellauer (DePaul University – USA)
Narrated Time, Narrated Action

Sergey Zenkin (Russian State University for the Humanities – Russia)
Социальное Действие и Его Смысл: Перспективы Герменевтики после Рикёра /Social Action and Its Sense: Perspectives of Hermeneutics after Ricoeur

17.15 – 17.30 – **Coffee Break**

17.30 – 19.30 – Parallel Sessions 7, 8

Session 7 (Auditorium Г-313)

Chair: Lisa Al-Faradzh

Scott Davidson (Oklahoma City University – USA)
After Hermeneutics: The Turn in Ricoeur's Later Thought

Philippe Lacour (CIEPFC-Ecole Normale Supérieure de Paris – France)
Penser la Traduction: entre Ricoeur et Granger (ou Pourquoi Faut-il Traduire Encore?)

Alessio Moretti (Université Neuchatel – Suisse)
Ricoeur's Remarks on Greimas Reconsidered through Oppositional Geometry

Session 8 (Auditorium Г-405)

Chair: Anna Borisenkova

Sergey Panov, Sergey Ivashkin (Federal Institute of Education Development – Russia)
Memory Work, Politics of Judgement and Ethics of Witness (P. Ricoeur, A. Badiou) / Работа Памяти, Политика Суждения и Этика Свидетельства (П. Рикер и А. Бадью)

Maria Joao Coelho (Universidade de Coimbra – Portugal)
Testimony as an Exercise of Citizenship in the Construction of Just Institutions: the Work of Hope from Reading of Ricoeur

Ivan Suslov (Center for Social Policy and Gender Studies – Russia)
Politics of Memory in the narratives of dissent / Политика памяти об инакомыслии в нарративах

19.30 – The Society for Ricoeur Studies Business Meeting

Thursday 15th September
10.00 – 12.00 – Parallel Sessions 9, 10

Session 9 (Auditorium Г-405)

Chair: Iain MacKenzie

Ming Yeung Cheung (Katholieke Universiteit Leuven – Belgium)
Socio-cultural Critique in Action: Christian Practice in Society as Testimony and Parable

Jaco Dreyer (University of South Africa – South Africa)
Responsible Public Theology in a Global Era: an Exploration from Ricoeur's Paradigm of Translation

William Myatt (Loyola University Chicago – USA)
Theological History as Plunderphonics: Memory, Mnemonics, Montage

Session 10 (Auditorium Г-313)

Chair: Johann Michel

Ignazio Torres (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – France)
Entre Autonomie et Vulnérabilité: Penser Autrement le Sujet Politique

Alberto Romele (Università degli Studi di Verona – Italie) – Économie et Reconnaissance.
'Perspectives' d'une Intuition Ricœurienne

Nicolas Delhopital (Université Catholique de Louvain – Institut Supérieur de Philosophie – Belgium, France)

Ecole Autrichienne d'Economie et Herméneutique. Quelques Leçons Blondéliennes et Ricœuriennes

12.00 – 12.15 – Coffee Break

12.15 – 14.15

Plenary Session 5

Chair: Dan Stiver

Svetlana Bankovskaya (National Research University 'Higher School of Economics' – Russia)
Interpreting 'Trust' in the Context of Counterfinality (or On the Hermeneutics of Strangeness)

Johann Michel (Université de Poitiers, Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – France)
Le Sens des Institutions

14.15 – 15.15 – **Lunch**

15.15 – 17.15

Plenary Session 6

Chair: Alain Loute

Gilbert Vincent (Université de Strasbourg – France)
La Pensée de l'Association, chez Ricœur, Etude Critique des Relations entre Ricœur, Durkheim et Ch. Gide

Sabina Loriga (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales – France)
Le Moi de l'Historien

17.15 – 17.30 – **Coffee Break**

17.30 – 19.30 – Parallel Sessions 11, 12

Session 11 (Auditorium Γ-405)

Chair: Scott Davidson

Roger Savage (University of California, Los Angeles – USA)
Aesthetic Experience, Cultural Politics, and the Quest for Identity

Kelly Cooper (University of Maryland University College – USA)
Refiguring Identity in Conversations with Avatars

Alexander Jakobidze-Gitman (Russian State Gerasimov Institute of Cinematography – Russia)
Comic Plot as a Way of Working with Collective Memory

Session 12 (Auditorium Γ-313)

Chair: Lisa Al-Faradzh

Marc-Antoine Vallée (Université de Montréal – Canada)
Paul Ricœur: une Ethique de la Relation

Terhi Törmä (University of Helsinki – Finland)
'Rendre Son Dû' comme Attitude Herméneutique

Alla Kiridon, Sergey Troyan (Kiev University for Slavic Studies – Ukraine)
Objectivity of History and Subjectivity of a Historian / Объективность Истории и
Субъективность Историка

Friday 16th September

11.00 – 12.00

Plenary Session 7

Chair: Dan Stiver

Alison Scott-Baumann (Lancaster University – United Kingdom) – Back to the Future: the Pre-Socratics and Negation

12.00 – 12.15 – **Coffee Break**

12.15 – 14.15

Plenary Session 8

Chair: Scott Davidson

George Taylor (University of Pittsburgh – USA) – Delineations in Ricoeur's Concept of Utopia
Dan Stiver (Hardin-Simmons University – USA) – Renewing the 'Period of Effervescence':
Utopia in the Midst of Ideology

14.15 – 15.15 – **Lunch**

15.15 – 16.35 – Parallel Sessions 13, 14

Session 13 (Auditorium Г-313)

Chair: Ekaterina Fen

Alexander Patlach (Moscow State University – Russia)
Ricoeur's Modification of Gadamer's Hermeneutics
Alexander Koryagin (National Research University 'Higher School of Economics' – Russia)
Axiological Significance of Michel Foucault's Hermeneutics of the Subject in the Context of the
Gadamer-Habermas Debate

Session 14 (Auditorium Г-405)

Chair: Alain Loute

Dmitrij Novikov (National Research University 'Higher School of Economics' – Russia)
Hermeneutics, Violence and the Ethics of Promise

Maria Ferrari (Universidad Nacional de La Plata – Argentina)
Paul Ricoeur and the Phenomenology of Gift: The Influences of Husserl and Levinas

16.35 – 17.00 – **Coffee Break**
17.00 – 19.00 – Parallel Sessions 15, 16

Session 15 (Auditorium Г-313)

Chair: Laurent Thévenot

Tatiana Razumovskaya (National Research University 'Higher School of Economics' – Russia)
Perestroika film in cultural contexts today: between forgetting and forgiveness

Paul Marinescu (Société Roumaine de Phénoménologie, Institut de Philosophie "Alexandru Dragomir" – Romania)
Translating the Past: A Way between Reifying Commemorations and Irreversible Forgetting

Alexandra Lozinskaya (Memorial International – Russia)
(Hi)stories of Russia in 20th Century in Museum: Political Repressions between the Lines of "Museum Narrations"

Session 16 (Auditorium Г-405)

Chair: Alison Scott-Baumann

Vladimir Starovoytov (Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences – Russia)
The Problem of I, Personality, Self in the Work of Paul Ricoeur and in Modern Psychological and Psychoanalytic Studies

Nel van den Haak (University of Amsterdam – Netherlands)
Body, Living Body, and Mind in Ricoeur

19.00 – 19.30 – Closing
19.30 – **Closing Dinner**

*

Рассылка Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ

Дорогие друзья,

13-16 сентября научно-учебная лаборатория «Центр фундаментальной социологии» ИГИТИ и факультет философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» проводят международную конференцию по исследованию трудов Поля Рикера «Новые перспективы герменевтики в социальных науках и практической философии». Мы приглашаем Вас принять в ней участие.

С докладами выступят ученые из России, Франции, США, Великобритании, Канады, Бельгии, Украины, Италии, Португалии, Швейцарии, Нидерландов, Румынии, Финляндии, Бразилии, Аргентины и Южной Африки.

Рабочие языки конференции: английский, русский, французский
Доклады на французском языке будут переведены на русский язык

Место проведения:

НИУ «Высшая школа экономики»
Покровский бульвар 11, 3-й этаж, аудитория Г-313.

С программой можно ознакомиться здесь: <http://ricoeur2011.hse.ru/program>

Партнеры конференции:

- Общество исследователей трудов Поля Рикера (The Society for Ricoeur Studies)
- Фонд Рикера в Париже (Fonds Ricoeur)
- Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве
- Французский университетский колледж

Желающих посетить мероприятие просим зарегистрироваться. Регистрация открыта на сайте конференции: <https://www.hse.ru/expresspolls/poll/33918038.html> до 09.09.2011

Тем, кто не является сотрудниками НИУ-ВШЭ, будут заказаны пропуска.

Вопросы можно присылать на электронный адрес: ricoeurmoscow2011@gmail.com

Телефон для справок: 8-916-500-21-72 (Марина Пугачева)

Руководитель оргкомитета: Анна Борисенкова, 8-916-229-14-95 begin_of_the_skype_highlighting 8-916-229-14-95

**

IV. Том Сойер, который красил забор

Включение 8. А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

Дима! <...>

Тем временем, у меня к Вам вот какое дело. Как мы согласились с Борисом, да, и с Вами Борис, наверное, согласовывал, в дискуссии “О “незримом колледже” и биографических интервью” (в кумулятивный файл которой я вчера добавил, в хронологически подходящем месте, и заметки Э. Беляева) как бы ставится точка - для вывешивания на сайте МБИ (я только жду от Бориса промежуточного “микро-эпилога”). И начинается новая дискуссия (продолжение первой), открывающаяся Вашим текстом “О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике”, который для этой цели очень подходит. В нее уже внесли свой вклад В. Шляпентох, О. Маховская и я. Наверняка будут и другие.

Для этого я, принявший на себя добровольно роль редактора-протоколиста, должен разослать кумулятивный файл, формат и название (я бы предложил: “БИО-графия и БИО-критика”) которого хочу согласовать сначала с Вами, поскольку Вы являетесь фактическим шеф-редактором этой дискуссии (как в первой был Борис).

Я, разумеется, ничего не цензурировал, только исправил опечатки.

Если Вы не против, я запущу прилагаемый (под скрепкой) файл на орбиту “незримого колледжа” и других участников нашей дискуссии.

Дружески - Андр. Алексеев.

**

Включение 9. Б. Шалин - А. Алексееву. Копия - Б. Докторову

4.09.2011

Здравствуйтесь, Андрей.

Приношу извинения за запоздалый ответ. Разного рода заморочки не давали возможности засесть за ответ.

1. Название для второй части вы выбрали хорошее, но я бы не стал педалировать нюансы посредством заглавных букв. Пусть будет “Биография и биокритика”, читатели разберутся. Кстати, существует термин “биографика” (так назвала свою книгу И. Ф. Петровская), и лучше было бы назвать эту секцию “Биографика и биокритика”. Но поскольку термин не задействован в нашем кругу, то можно оставить в качестве заглавия “Биография и биокритика”.

2. Мне кажется, что лучше дождаться, когда первая часть форума появится у нас на сайте и затем уже рассылаюсь вторую. У читателей, не принимавших участие в обсуждении, будет возможность вернуться к началу дискуссии. К этому времени, наверное, появятся и другие комментарии. Боря собирается закончить подведение итогов в ближайшее время, и тут же появится электронная версия форума.

3. Во второй части МБИ-форума я нашел ряд ошибок в своем тексте, например:

<...>

Спасибо за вашу большую и ценную редакторскую работу. Всего доброго/

Дима

**

Включение 10. А. Алексеев - Д. Шалину. Копия - Б. Докторову

4.09.2011

Здравствуйтесь, Дима!

Все Ваши предложения я охотно принимаю. В том числе, и корректировку названия дискуссии 2 ("БИОГРАФИЯ И БИОКРИТИКА"), и откладывание на пару дней общей рассылки, пока не будет вывешена на сайте МБИ первая дискуссия. Все Ваши мелкие поправки я также учел. В своем комментарии от 29.08 я убрал ссылки на первоначальный текст Вашего эссе, благо повод для них после Вашей редакции исчез.

Вообще, это существенный прецедент. Я думаю каждый участник дискуссии **вправе авторизовать** (редактировать) свой текст перед публикацией. В таком случае некоторые “ветви” дискуссии могут отсекаются, пусть в ущерб ее “драматизму”.

В своем тексте Вы заменили сетевые адреса гиперссылками (“живыми ссылками”, как Вы их называете). Я сделал это и в остальных текстах. (Сделаю и в первой дискуссии).

Возвращаю Вам, для сведения, кумулятивный файл дискуссии 2, с учетом всего сказанного. Обратите там внимание на (пока не разосланную другим нашим собеседникам) программу предстоящей в сентябре московской Международной конференции по герменевтике (памяти П. Рикёра). Возможно, Вы о ней уже знаете.

Дружески - Андр. Алексеев

P. S. Я, между прочим, тоже делал выбор между “биографикой” и “биографией”, в пользу последней, по тем же соображениям, что и Вы. Кроме известной книги И. Петровской, которую Вы упоминаете, есть еще книга киевского философа А. Валевского “Основания биографики” (Киев, 1993). Извлечения из нее см. в “Драматической социологии и социологической ауторефлексии”, т. 3, с. 46-50. АА.

**

Включение 11. Д. Шалин - А. Алексееву. Копия - Б. Докторову

5.09.2011

Здравствуйтесь, Андрей.

Спасибо за правку. Текст готов к рассылке, его можно распространить, как только мы вывесим первую часть дискуссии.

Можно дать анонс о предстоящей конференции по герменевтике, но я не уверен, что стоит приводить всю программу. Ее можно вывесить на нашем сайте и дать сноску в тексте. МБИ-форум посвящен обсуждению, а детальную информацию об интересных событиях, мне кажется, лучше давать в других рассылках, или включать ее в содержательную дискуссию.

Согласен, что участники форума должны иметь возможность отредактировать свой текст, исправить ошибки, возможно, что-то изъять или подправить. Если замена или дополнение значительные, более чем два-три предложения, то позднюю редактуру можно обозначить квадратными скобками, как это заведено в Архивах Гофмана. Хотя я бы дал возможность каждому автору решать, как это лучше сделать.

Нужно об этом оповестить всех участников МБИ форума до того, как окончательный текст дискуссии будет вывешен на сайте.

Спасибо за информацию о книге Валевского. Надеюсь, со временем термин “биографика” войдет у нас в оборот или, по крайней мере, будет обсуждаться.

Всего доброго, Дима.

P.S. Л. Баткин прочел мои заметки о достоверности интервью и подтвердил свое согласие на использование цитаты из его послания. Он выразил интерес к контексту моих комментариев, и я переслал ему первую часть МБИ форума.

**

Включение 12. А. Алексеев - Б. Докторову

6.09.2011

Дорогой Борис!

Вот, высылаю дискуссию 1 в почти финальном виде. Я воспользовался твоей ценной идеей называния разделов. См. оглавление. Понравилась мне и идея нумерации дискуссий: протокол № 1, № 2. Но тогда понадобилось назвать и то, в рамках чего эта нумерация. Мне показалось подходящим и “все-объемлющим”:

"Форум: Биографика, социология и история"

Я вычитал вроде все. Хоть может, и пропустил какие опечатки. <...>

В большинстве случаев заменил громоздкие сетевые ссылки - на гиперссылки.

Из нашей переписки с Димой, копия которой посылалась и Тебе, вытекает наше с Димой согласие насчет права каждого по мелочи подредактировать или “промодерировать” свой собственный текст перед вывешиванием на сайте. Сам Дима этим правом уже воспользовался. <...>

Если принять это предложение, то стоит разослать всем финальный вариант для этой цели, но выждать недолго - 2-3 дня, чтобы не задерживать помещение на сайт МБИ. Я готов это сделать, а можешь сделать и сам. <...>

Твой - Андр. Ал.

**

Включение 13. Б. Докторов - А. Алексеёву

7.09.2011

Андрей, я все пронумеровал.. общее название мне нравится.. очень даже оно симпатичное.. Боря

**

Включение 14. А. Алексеев - Б. Докторову

7.09.2011

Борис!

Я возвращаю Тебе финальную версию дискуссии 1, вставив позиции всех “отметин” в оглавление. Теперь - хочешь пересылай участникам на визу, хотя, может, и не надо, ведь со всеми согласовано, а хочешь - прямо Диме, на сайт МБИ. На всякий случай - сводка адресов для рассылки: <...>

Шеф-редактору от редактора-протоколиста – привет. АА.

**

Включение 15. Б. Докторов - А. Алексеёву

7.09.2011

Андрей, я вышлю текст Диме.. и всем.. и ничего просить не буду.. ты уже и так все смотрел, чистил,... думаю, что все тебе доверяют.. и даже больше, чем себе.. Боря

*

Андрей, пока не разослал... в Москве была ночь. Сейчас начал беседу с Димой и Еленой по поводу размещения текста на сайте МБИ, но в формате pdf.. мне кажется, что такой большой текст в этом формате будет смотреться и читаться лучше..

*

Андрей, вот текст (*протокол дискуссии № 1. – А. А.*):

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf

Если сможешь разослать, пожалуйста.. если нет, разошлю завтра (в среду).. я уже работаю почти 19 часов.. на сегодня хватит.. Боря

**

Включение 16. Д. Шалин - А. Алексеёву

7.09.2011

Greetings Andrey:

Take a look at the IBI Forum on the web:

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html;
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf

All best, Dima

**

Включение 17. А. Алексеев - Б. Докторову, Д. Шалину

Дима! Борис!

Поздравляю с первым блином, который явно не комом. Дискуссия [“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#) . на сайте [“Международная биографическая инициатива”](#) - аж в двух технических форматах. Мы все - как тот Том Соьер, который красил забор.

Боря, сегодня я, без проблем, разошлю эту информацию по всем релевантным адресам, так что - не бери в голову: это - дело протоколиста.

Ваш - Андрей Алексеев

**

Включение 18. Б. Докторов - А. Алексееву, Д. Шалину

7.09.2011

Сделал дело - гуляй смело.. то ли нас еще ждет.. Боря

**

Включение 19. А. Алексеев – Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову

7.09.2011

Уважаемые коллеги!

Посылаю полный, выверенный текст групповой переписки (дискуссии) по электронной почте на тему “О “невидимом колледже” и биографических интервью” - всем, кто в ней так или иначе участвовал и / или для кого она может представить интерес.

Этот текст ныне вывешен на сайте ["Международная биографическая инициатива"](#).

Точечные адреса:

http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html;
http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf.

Ниже - в теле письма - наикратчайшая преамбула и оглавление дискуссии, а затем своего рода эпилог (подведение итогов), который ранее не рассылался

Полный текст в формате pdf - под скрепкой.

Это - первый этап (тур) форума под названием “Биографика, социология и история”. Все участники первого этапа приглашаются к участию во втором. Его тема – “Биография и биокритика”.

По-видимому, завтра, я смогу разослать кумулятивный файл с материалами этой второй дискуссии, продолжающей собой первую.

Ваш - Андрей Алексеев. 7.09.2011. 21:00

**

Включение 19а. Форум: Биографика, социология и история

Протокол № 1

“О “незримом колледже” и биографических интервью”

(Из переписки Б. Докторова, Д. Шалина, Л. Козловой, А. Алексеева, Н. Мазлумяновой, Р. Ленчовского, а также Э. Беляева, Л. Борусяк, Б. Вульфовича, В. Шляпентоха, О. Маховской. Июль-август 2011)

От редактора-протоколиста

Ниже – материалы групповой переписки (дискуссии) по электронной почте на определенную тему (см. название), упорядоченные в хронологическом порядке. Все тексты публикуются с согласия авторов.

Инициатором и шеф-редактором (не модератором!) данной дискуссии является Борис Докторов.

Андр. Алексеев.. 5.09.2011

Содержание:

- I. Образуем ли мы «незримый колледж»? (отметины 1 - 9)
- II. О типах биографических интервью (10 – 21)
- III. Предмет дискуссии расширяется... и углубляется (22 – 39)
- IV. Разные темы слились в одну (40 – 42)
- V. Новое обогащение разговора (43 – 49)
- VI. Наш круг все шире (50 - 53)
- VII. О доверии к рассказам о себе (54 – 56)
- VIII. Взгляд жесткого оппонента (57 - 59)
- IX. И снова критика. Взгляд проницательного дилетанта (60 – 61)
- X. Биографический метод - не только у социологов (62 – 67)
- XI. Колледж - виртуальный? Нет, реальный! (68 – 81)
- XII. «Незримый колледж» вкалывает в три смены (82 – 88)
- XIII. Предварительные итоги. Продолжение следует (89)

<...>

**

**V. «Приветствую идею сетевого колледжа... Буду следить с удовольствием»
(В. Ядов)**

Включение 20. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину

7.09.2011

Дима, Борис, здравствуйте!

У нас с вами получается какой-то микрофорум “на-троих” в рамках общего, поскольку посылаем копии друг другу.

Теперь, когда дискуссия 1 ([“О "незримом колледже” и биографических интервью”](#)) уже вывешена на сайте МБИ, можно заняться и дискуссией 2 (“Биография и биокритика”). Ее шеф-редактором является Д. Шалин. Я готов остаться редактором-протоколистом. Она, как мы знаем, открывается текстом Д. Шалина – “О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике”. Следуют отклики - мой, О. Маховской и В. Шляпентоха. Потом еще два моих письма: о предметах биографических интервью (на примере темы членства советских социологов в КПСС) и с программой международной герменевтической конференции в НИУ ВШЭ в Москве.

Мне кажется, стоит включить туда и - хотя бы фрагментами - нашу переписку с Димой (копия - Борису) последних дней. <...>. Если Дима не склонен включать свои полу-частные письма, я ограничусь только своими.

Вообще, в нашей дискуссии нет модерации, а есть только автомодерация. То есть каждый может отправить коллегам - что считает нужным, и может исключить из общего обращения любое из своих посланий (уж не говоря о фразе или слове). Но, разумеется, это относится только к его собственным посланиям. <...>

Замечу, что сильной стороной нашей первой дискуссии было не только разнообразие мнений и значимость содержательных высказываний по теме, но и характер, СТИЛЬ общения, способ решения организационных вопросов и т. п. Поэтому я придаю значение подобным “рабочим” репликам, так сказать, “будни” незримого колледжа, частные диалоги, а не только концептуальные монологи.

Хороши были бы тут и человечные “интермедии”, вроде переписки Докорова с соученицей В. Голофаства, что и по стилю, и по теме даже - вполне релевантно нашим “ученым разговорам”. Ведь то и другое - наша жизнь, только в разных ее измерениях, по разному увиденная и зафиксированная.

Итак, жду ответа от каждого из вас двоих, после чего рассылаю кумулятивный файл дискуссии 2. по состоянию на сегодня.

Ваш - Андр. Алексеев

**

Включение 21. А. Алексеев – Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову

(См. также в начале: «От редактора-протоколита». – А. А.)

8.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Не далее как вчера на сайте [“Международная биографическая инициатива”](http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html) был вывешен (http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf) и разослан заинтересованным лицам текст первой дискуссии из форума «Биографика, социология и история». Дискуссия называлась: «[“О “незримом колледже” и биографических интервью”](#)».

Настоящая дискуссия, под названием «Биография и биокритика», является продолжением первой.

Некоторые из Вас уже успели принять в ней участие. Приглашаются к участию – **все**.

Полный список адресов для групповой переписки см. в адресной строке этого письма. Посылая свое письмо, Вы можете, по усмотрению, расширить или сузить этот список.

Инициатором и шеф-редактором (не модератором!) прошлой дискуссии был Борис Докторов. Для нынешней - эту роль взял на себя **Дмитрий Шалин**.

Ваш - Андрей Алексеев. 8.09.2011

**

[Включение 21а. В. Ядов – А. Алексееву](#)

8.09.2011

Андрей, с большим интересом просмотрел вашу переписку, и приветствую идею сетевого колледжа. Очень советую познакомиться с этими материалами Викторину Семенову. Она и главный редактор журнала о биографической методологии, и председатель. Исследовательского комитета МСА по тому же предмету. Т. е. глубоко вовлечена в проблему развития биометодологии, будет ОЧЕНЬ полезна. Адрес: victoria-sem@yandex.ru

Привет. Володя

**

[Включение 21б. А. Алексеев – В. Семеновой](#)

8.09.2011

Уважаемая Виктория!

С удовольствием воспользуюсь советом В. А. - пересылаю Вам наш форум «Биографика, социология и история». Дискуссия 1 (О «незримом колледже» и биографических интервью) - уже опубликована в Интернете. Дискуссия 2 («Биография и биокритика») сейчас в процессе развертывания. Ее кумулятивный файл я также прилагаю

Уверен, что не только я, но и все участники форума будут рады, если Вы, как минимум, откликнитесь, как максимум, примете содержательное участие в этом разговоре. Вам эти сюжеты наверняка близки.

С уважением и симпатией - Андрей Алексеев.

**

Включение 21с. В. Ядов – А. Алексееву

8.09.2011

Хорошо, что сразу известил Викторину. Она сейчас вне Москвы до начала октября. В обсуждение пока включаться не буду, а следить за ним - с удовольствием. Володя.

**

Включение 22. Б. Фирсов – Д. Шалину

14.09.2011

Добрый день, Дима!

Спасибо за письмо. Я в курсе всей дискуссии на МБИ-форуме и уже начал, было, писать про нарративную идентичность, но на 27 сентября мне назначили операцию по поводу катаракты (будут менять хрусталик в левом глазу). После операции примусь за дело.

Читать материалы форума было интересно, и я убежден, что запалили дискуссию Вы, опубликовав очень содержательную статью. Примите мои поздравления!

Итак, до скорой встречи в виртуальном пространстве на сайте МБИ.

Всего вам доброго

Ваш БФ

**

Включение 22а. Д. Шалин – Б. Фирсову. Копия - А. Алексееву, Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову

14. 9.2011

Добрый день, Борис Максимович.

Спасибо за весточку и интерес к МБИ форуму. Я и все мои коллеги желаем вам быстро оправиться от операции.

Удачи вам, Дима

**

Включение 22б. А. Алексеев – А. Готлиб (дополнение к дискуссии 1. – А. А.)

17.08.2011

Здравствуйтесь, Аня!

От Бориса Докторова я знаю, что Вы заинтересовались нашей групповой перепиской-дискуссией на темы биографических нарративов и т. п. Со своей стороны, я тоже буду очень рад, если Вы примете в ней участие, в вольном эпистолярном стиле..

Если бы Вы откликнулись сразу (в течение пары дней), мы успели бы добавить Ваше письмо-мнение до вывешивания нашей переписки на сайте МБИ.

Поскольку на меня легло “техническое” обеспечение этой дискуссии, в смысле ведения ее протокола и формирования кумулятивного файла, посылаю Вам этот файл, где возможно, чуть больше того, что Вам посылал Борис (последние дополнения в конце). Если надумаете что написать в дополнение к тому, что уже написали Борису, то пришлите, как минимум, ему и мне.

Ваш - Андр. Алексеев. 17.08.2011.

*

Из письма А. Готлиб – Б. Докторову, от 16.08.2011:

...Теперь по поводу “незримого колледжа”. Я очень польщена твоим предложением, с радостью причислю себя к замечательному содружеству, хотя лично знаю немногих. Но, думаю, сегодня, в сетевой век, это и не обязательно. Думаю также, надо поискать основание, объединяющее таких разных людей. Все-таки это не принадлежность к ленинградской школе, я тоже к ней все-таки не принадлежу, хотя Тукумцев Б.Г. думает, видимо, по-другому. Может быть, это некоторая методологическая ориентированность профессионального сознания, всегда нацеленная на анализ не только того, “что” (содержания), но и того, “как”. Может быть, это высокая включенность в профессию, когда профессия перестает быть только ролью, и становится чем-то большим. “Социолог в России больше чем социолог”, если перефразировать Евтушенко. Возможно, это все вместе...

**

VI. Б. Докторов: Оглядываясь назад и заглядывая вперед

***Включение 23.** А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б. Фирсову Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову*

19.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Копилка нашего «незримого колледжа» пополнилась новой работой Бориса Докорова, соединяющей в себе РЕТРОСПЕКТИВУ, ОБОЗРЕНИЕ и «юбилейный» САМООТЧЕТ о развитии его проекта «**Современная история российской социологии**». Напомню, что так называется постоянная рубрика, вот уже семь лет, без пропусков, открывающая собой питерский «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Можно сказать, что журнал этот, наряду с сайтом «Международная инициатива» является главной публичной площадкой социобиоисторического проекта.

Дальше мне рассказывать незачем, поскольку к настоящему письму прилагается статья Б. Докорова [К семилетию рубрики “Современная история российской социологии”](#), которая появится в № 5 «Телескопа». Оглавление статьи:

- Рождение рубрики

- Интервью по электронной почте: другого пути у меня не оказалось
- Освоение ролей интервьюера и интервьюируемого
- История должна быть многолюдной и писаться многими
- У истории должно быть «человеческое лицо»
- Двухконусная модель генезиса современной российской социологии

Стоит обратить особое внимание на последний раздел. Из моего письма к Б. Д. от 15.09.2011:

«...Поздравляю с «двухконусной моделью» Это и хороший прецедент в науковедении, а также - вообще в попытках геометрического представления социокультурной динамики»

К статье прилагается полный список социологов, интервью у которых брал Борис Докторов, и эти интервью опубликованы в «Телескопе» или других журналах (указан год публикации).

Примечательно, что все без малого 50 собеседников (интервьюируемых) Б. Д. сгруппированы по поколениям (первые 4 поколения российских социологов). Ну, и еще немало в этой статье найдете для себя нового.

Борис Фирсов практически закончил [свою статью](#), посвященную проблемам биографии и биокритики. Надеюсь разослать и ее в ближайшем будущем.

Ваш – Андрей Алексеев.

**

[Включение 23а.](#)

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/bd_teleskop_11.pdf

Борис Докторов

К семилетию рубрики «Современная история российской социологии»

В статье подводятся итоги семи лет существования рубрики «Современная история российской социологии».

Ключевые слова: постхрущевская российская социология, журнал «Телескоп», биографическое интервью, второе рождение советской/российской социологии.

Данная статья – это развернутая благодарность руководителя рубрики [“Современная история российской социологии”](#) ее читателям, всем авторам материалов, представленных в ней, и, конечно же, издателю и редактору [“Телескопа”](#) М.Е. Илле. Он – инициатор появления в журнале этого раздела, автор его названия и лишь благодаря его поддержке этот «ребенок» живет и растет.

Непосредственной причиной, побудившей меня написать эту статью, являются два значимых события в истории рубрики. Первое, ей исполнилось *семь лет*. Второе, настоящий выпуск «Телескопа» – *сороковой* в непрерывном, что крайне важно, процессе освещения событий современного этапа развития нашей науки и деятельности нескольких поколений советских/российских социологов.

Ранее мною предпринимались попытки подведения итогов сделанного, но теперь этот проект «подрос», накоплен немалый теоретический, методологический и методический опыт сбора и анализа информации о нашем далеком и близком прошлом.

Потому представляется естественным вернуться к этой теме и детальнее описать характер проводимой работы и некоторые выводы, базирующиеся на материалах проекта.

Рождение рубрики

Все началось *как бы случайно*, без ясных, однозначно фиксируемых сознанием причин. 13 апреля 2004, будучи в Москве, я навестил Б.А. Грушина. Он подарил мне очередной том своего «четырёхкнижия» и рассказал о дальнейшей работе над этим грандиозным замыслом.

В середине июня того года я задумал написать статью о нем. Это произошло под влиянием изучения биографий американских полстеров, а также многообразия российских впечатлений. Главное же – приближался юбилей Грушина – его 75-летие.

Я позвонил Грушину, сказал о своем замысле и предупредил, что статья не будет «юбилейной». Мне казалось, что рассуждения о «линии Грушина», развивавшиеся за несколько лет до того в книге «Эпоха Ельцина» [1], можно будет относительно быстро довести до статьи. Однако на это потребовался месяц, статья вышла [в сентябрьском номере “Телескопа”](#) (2004, №4). Грушин был тогда в Америке и, получив журнал, позвонил мне. Указав на ряд неточностей, он в целом принял работу. После этого я с легкой душой отправил текст моим коллегам, знавшим Грушина и дружившим с ним.

Первым ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся Ядов: «...я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...» [2]. На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я воспринял эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Вскоре после выхода статьи о Грушине пришло предложение М.Е. Илле подумать о создании рубрики по истории современной российской социологии. Эта идея мне сразу показалась заслуживающей внимания и действия, хотя в то время я не занимался этой проблематикой, но активно собирал данные о жизни и творчестве Джорджа Гэллапа и становлении его метода изучения общественного мнения. Да и статья о Грушине рассматривалась мною не как элемент изучения истории российской социологии, но прежде всего как знак моего личного отношения к нему, и ее дальняя цель заключалась в сравнении процессов зарождения технологии и культуры опросов общественного мнения в разных политико-социальных средах. Другими словами, в предметном пространстве-времени я находился «далеко» от вопросов возникновения и развития постхрущевской советской социологии.

Было несколько причин моего *позитивного отклика* на предложение Илле и быстрого включения в эту работу. Во-первых, конечно, собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него. Во-вторых, первичный опыт изучения прошлого американских опросов общественного мнения и биографий аналитиков, работавших в этой области. Мне казалось, и отчасти это оказалось верным, что приобретенные в этом направлении навыки историко-биографических поисков окажутся полезными в новой работе. Есть и третье обстоятельство, но оно, теперь это кажется странным, было латентным, скорее давало импульс для интуиции, снимало страх перед неизвестностью, чем было базой рациональных решений. Суть в том, что задолго до начала века, еще живя в СССР/России, я задумывался об изучении прошлого отечественной социологии и даже кое-что делал в этом направлении.

Около трех лет назад в беседе с Л.А. Козловой о первых 25 выпусках настоящей рубрики «Телескопа» (2009, № 1)¹ я отмечал, что до последнего времени датировал возникновение моего интереса развитию постхрущевской социологии концом 2004 г. Однако незадолго до той беседы в моем домашнем архиве обнаружилась страница из журнала «Социологические исследования» с текстом моего письма в редакцию. Оно было опубликовано в первом выпуске журнала за 1987 г. и называлось «Не терять преимуществности» [3]; в нем аргументировалась необходимость оглянуться на развитие социологии в СССР за истекшие (тогда лишь) четверть века и подытожить прожитое нашим профессиональным сообществом.

Заметка писалась в 1986 г., в самом начале перестройки, о возрождении российской социологии еще ничего не говорилось, наверное, потому в ней нет ни слова о необходимости анализа раннесоветской и дореволюционной социологии. Однако через четыре года мне удалось получить годовой грант по теме: «Из истории изучения экономического сознания в России. Начало XX века». Все годы жизни в Америке я помнил об этом микропроекте, но думал, что не публиковавшийся отчет о нем утрачен, а обращаться в архив Социологического института РАН не хотелось. Но во второй половине июня я нашел этот текст у себя дома и обнаружил в нем кое-что интересное для себя. В частности, я вспомнил серию событий, результатом которых стало мое письмо Нобелевскому лауреату по экономике Василию Васильевичу Леонтьеву.

Речь в нем шла о книге В.В. Леонтьева «Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы» (СПб, 1912 г.), мне хотелось уточнить, был ли ее автор отцом известного экономиста.

Упомянутый отчет был закончен не позднее ноября 1990 г., ответ Василия Васильевича Леонтьева датирован 2 декабря того же года, таким образом, мое письмо (копия которого у меня не сохранилась) скорее всего было отправлено ему осенью того года.

Профессору Борису З. Докторову
Институт социологии АН СССР
38б Серпуховская ул.
198147 Ленинград, СССР
2 декабря 1990 г.

Уважаемый профессор Докторов:

Так как у меня нет пишущей машинки с русским алфавитом, отвечаю вам по-английски. Вы совершенно правы, В.В. Леонтьев, который опубликовал около восьмидесяти лет назад монографию «Об условиях жизни рабочих», мой отец. Эта была тема его докторской диссертации, написанной в Германии под руководством профессора Visser в университете Мюнхена.

Я, безусловно, буду рад помочь вам в получении полной информации о жизни и работе моего отца. К сожалению, большой объем работы, возникшей у меня в результате запросов, полученных из Советской России, притом что я должен уделять внимание многим обязанностям, делает невозможным для меня выполнить все сразу.

Я полагаю, что тем временем вы обратитесь в Международный фонд по истории науки, Университетская наб., 5, Ленинград 199024, который на протяжении некоторого времени отслеживал прошлое семьи Леонтьевых.

С уважением,

Василий Леонтьев.

В мире многое случается. 15 января 1991 года состоялось официальное открытие в Ленинграде «Леонтьевского центра». На банкете в гостинице «Астория» с относительно

---

¹ Далее, в целях экономии места, при ссылках на материалы, публиковавшиеся в «Телескопе», будет указываться лишь год и номер выпуска.

небольшим числом приглашенных я оказался рядом с А.Б. Чубайсом (судя по визитной карточке, он тогда был Председателем Госкомитета РСФСР по управлению государственным имуществом). Напротив нас сидел В.В. Леонтьев, обсуждавший различные проблемы с С.А. Васильевым, руководившим тогда Центром экономических реформ. Во время перерыва я попросил Чубайса, рассказав ему о приведенном письме, представить меня Леонтьеву. Беседа была короткой и светской; я напомнил ему мое письмо, поблагодарил его за ответ и сказал, что продолжу мои поиски. Он обещал помогать. Но в силу разных причин ничего из этого не произошло.

Таким образом, я не был совсем «зеленым» в историко-социологических исследованиях, когда продумывал варианты формирования журнальной рубрики, и понимал, что проблем будет множество. Потому прежде всего была написана небольшая заметка «История есть, только если она написана», которая была опубликована в следующем выпуске журнала (2004, № 5). Я и сейчас уверен в том, что сведения, хранящиеся лишь в наших головах и в личных архивах, не есть история. Но они могут стать ею. Фактически эта статья была *краткой программой* нового раздела журнала, но в большой степени – формой убеждения самого себя в необходимости этой работы.

Интервью по электронной почте: другого пути у меня не оказалось

Когда в начале 1999 года Б.М. Фирсов планировал свой курс по истории советской социологии, он предложил группе экспертов высказаться в пользу одного из трех вариантов его композиции. Первый – осветить развитие ряда направлений социологии, второй – детально разобрать наиболее представительные, классические работы советского периода и третий – сконцентрироваться на анализе отношения между социологией и властью. Я предложил остановиться на втором варианте [4].

Поскольку Фирсов избрал иное направление анализа прошлого, я поначалу задумал реализовать мое старое предложение и подготовить серию очерков по ряду представляющих мне наиболее интересными для демонстрации истории советской социологии книг, в том числе: «Человек и его работа» и «Человек после работы», книга Грушина по итогам Таганрогского проекта, «Телевидение глазами социолога» и еще несколько серьезных работ. Хотелось посмотреть, что в них современно, а что устарело. Эти все книги у меня есть, но было очевидно, что этого мало. В 20 минутах езды от меня на территории Стэнфордского университета расположена одна из крупнейших в США организаций по изучению России – Гуверовский институт, да и в самом университете есть Центр по изучению России, однако коллекции советской социологической литературы в них довольно бедные. Таким образом, этот вариант исторического исследования отпал.

Тогда я разослал электронные письма многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и прислать мне материалы для публикации. Это предложение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии *интервью по электронной почте* с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я не задумывался ни о выборке, ни о структуре интервью. Существовали сомнения в релевантности этого метода просматривавшимся целям исследования, но знание об успешности онлайн-маркетинговых опросов, проводившихся в США, и уже значительный опыт общения с российскими социологами по электронной почте заглушали сомнения в перспективности избранного метода сбора информации. Я трактовал его тогда как соединение *собственно биографического* интервьюирования (вопросы о жизни респондента) и *опроса экспертов* (вопросы о развитии социологии).

Одним из сдерживающих обстоятельств было понимание того, что в то время российские социологи старших поколений еще не очень овладели электронной почтой. Но я предполагал, что опрос будет проведен на небольшой выборке, и видел, что для реализации подобного плана у меня было достаточно ресурсов. Лишь одно интервью проведено непосредственно, лицом к лицу. А.В.Баранов не пользовался в 2008 году электронной почтой, и беседа с ним была записана на диктофон и транскрибирована его многолетней сотрудницей Марией Алесиной (2008, № 3).

Первым, к кому я обратился с просьбой «поговорить за жизнь», был Б.М. Фирсов, с которым меня связывают более трех десятилетий совместной работы и дружбы. Во второй половине августа 2004 года я написал ему: «Я исхожу из того, что кровь и пот (горячий и холодный) ряда поколений советских социологов, отразился в их работах. И нельзя все это так запросто забыть...» и спросил: «Может, и ты выскажешься?». Вскоре он ответил: «...согласен, что приходит время для высказываний». Начало процесса формирования методологии и технологии интервью отражает письмо, отправленное Фирсову в середине сентября [5]:

Меня интересуют *пионеры*... интервью с тобой я определяю как пост-юбилейное (БД: незадолго до этого письма Фирсов отмечал 75-летие) ... Нам всегда было о чем поговорить, и сейчас есть момент поговорить о тебе. История – это всегда люди, которые ее делают, другого взгляда на историю я не знаю.

Я – может быть, мы вместе – постепенно сформулирую(ем) вопросы в традиционной форме, а может быть этого не буду делать... интервью может быть как диалог, в котором 90% – это твои ответы, и 10% – мои вопросы... так тоже можно.

Что меня прежде всего интересует?

Во всех моих раскопках я уделяю особое внимание анализу процесса вхождения человека в науку, в том числе – его учителям... в Америке – учителями были психологи первого поколения, учившиеся в Европе у Вундта, Бинэ и так далее.

В СССР до социологов первого поколения ничего не было...

В письме были сформулированы темы, по которым я просил Фирсова высказаться, и завершалось оно словами: «Поехали? Я понимаю, что обрекаю тебя на трудности самокопания, но это все важно для нашей науки, которой мы в силу наших возможностей (или нашей беспросветной глупости) продолжаем служить».

Итак, *четыре аспекта* будущей работы были обозначены уже в плане первого интервью: фокус на ученого как движителя науки, диалоговая природа общения с опрашиваемым, повышенное внимание к процессу вхождения человека в науку и установка на анализ генезиса современной российской социологии. Работа продвигалась быстро, и в первом выпуске «Телескопа» 2005 года интервью было опубликовано.

Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ, начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [6]. Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано (2005, № 2).

В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 году московском исследователе общественного мнения Я.С. Капелюше. Эта публикация продолжала освещение истории исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации

интервью. Важно и то, что это были воспоминания ряда бывших коллег и друзей Капелюша (Б.А. Грушина, А.И. Пригожина, Л.Н. Федотовой), а не только мой текст.

Появление в журнале подряд трех материалов по истории российской социологии свидетельствовало о том, что проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке М.Е. Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложным. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks» [7]. Работали мы споро, текст быстро рос. Результат интервью с Ядовым был размещен в двух последующих номерах журнала (2005, № 3,4).

Мне очень повезло с тремя первыми респондентами-экспертами; я обратился к людям, *готовым и способным* рассказывать о себе. Поэтому интервью с ними сразу вывели меня на очень широкую область *биографического и исторического анализа*. По сути, уже здесь сложилось понимание осуществляемых интервью, чаще я называю их *беседами*, как формы *профессионального и личного общения*; в частности, я решил и в интервью, хотя это публичная форма общения, придерживаться той *формы обращения* к человеку («ты» или «вы», по имени или по имени и отчеству), которая сложилась у нас ранее. Исходно я думал о том, чтобы максимально унифицировать содержание и структуру интервью и стремиться к использованию набора стандартных вопросов, другими словами, не отходить далеко от формализованного типа интервью. Однако, поскольку трое моих первых собеседников разными путями пришли в социологию, работают в разных предметных, тематических нишах, имеют разный жизненный опыт, стало понятно, что интервью должны быть *неформализованными*.

Освоение ролей интервьюера и интервьюируемого

Довольно быстро сложилась практика одновременного опроса двух-трех респондентов, появилась возможность не торопить каждого, а форсировать работу лишь над тем интервью, которое было ближе других к завершению. Вскоре технология интервьюирования оказалась настолько отлаженной, что тексты стали публиковаться не только на главной площадке – в «Телескопе», но также в «Социологическом журнале» и в журнале «Социальная реальность», несколько лет издававшемся Фондом «Общественное мнение».

Первые биографические беседы были проведены с учеными, которых теперь я отношу к первому и второму поколению советских/российских социологов, но уже летом 2005 года было завершено интервью с Л.Е. Кесельманом (2005, № 5), входящим, согласно выстроенной мною «лестнице поколений» (см. Таблицы 1, 2 в Приложении), в третью генерацию. В процессе этой работы у меня возникла потребность в комментировании сказанного, так возникла «рубрика в рубрике», называемая «Как это было» (2005, № 5). Материалы этой серии появляются нечасто (было пять выпусков), но она оказалась жизнеспособной. Вслед за интервью с Кесельманом в течении полутора лет было опубликовано еще пять бесед с представителями третьего поколения социологов: Д.Л. Константиновским (2006, № 3), Р.С. Могилевским (2006, № 2), Л.В.Пановой (2008, № 4), Е.Э. Смирновой (2006, № 1) и И.И.Травиным (2008, № 1).

Несмотря на то, что Ядов уже многие годы живет и работает в Москве, для меня он прежде всего – создатель «ленинградской социологической школы» и мой коллега по ленинградским социологическим институтам и Ленинградской социологической ассоциации. Так же ленинградцем я воспринимал и многие годы жившего в Москве А.Г. Здравомыслова (2006, № 5; «Социологический журнал, 2006. № 3/4), под руководством которого входил в социологию. И в этом смысле интервью с Константиновским оказалось первым, в котором моим собеседником был не

ленинградец/петербуржец. Специфика такого интервью заключается в том, что разговор идет о той реальности, которую я *не наблюдал* и потому знаю весьма поверхностно.

Одновременно опубликованные в рубрике воспоминания о Капелюше и интервью с Гилинским подсказали мне приемы *введения в историческое* исследование людей, которые активно участвовали в развитии нашей науки, но которых, к сожалению, уже нельзя было проинтервьюировать. Так, Гилинский многое рассказал об умерших в относительно недавние годы Л.И. Спиридонове, П.Н. Лебедеве и Э.А. Фомине. Благодаря Константиновскому в создаваемую картину прошлого вошел один из создателей российской социологии В.Н. Шубкин, который многие годы болел и не мог быть опрошенным; в прошлом году его не стало. Тогда я видел свою задачу скорее не в том, чтобы писать историю российской/советской социологии, но в том, чтобы собрать как можно больше *свидетельств очевидцев о происходившем*.

Работа над биографией Джорджа Гэллапа показала мне, как из разрозненных, мелких, случайных, казалось бы, малоинтересных воспоминаний о нем и людях, в окружении которых он формировался и с которыми работал, возникало некое цельное знание об ученом и его творчестве. Поэтому при проведении интервью я не подразделял информацию на важную и менее значимую, относящуюся к ядру воспоминаний моего собеседника или к периферии. С одной стороны, было ясно, что ценность собранного сегодня будет расти со временем. С другой – не зафиксированное сейчас, скорее всего, пропадет навсегда. Это ощущение передано заголовком статьи «Биографии для истории» и ее заключительной фразой: «Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах “Телескопа” уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии» (2007, № 1, с. 22).

В начале июня 2006 года я получил электронное письмо от В.Э. Шляпентоха со словами: «Созрел для интервью». Беседа складывалась легко, материалов было собрано много, поэтому несколько различающиеся тексты интервью были опубликованы в разных журналах (2006, № 6; «Социальная реальность», 2006, №12). Шляпентох уезжал из СССР в те годы, когда отъезжавшие покидали страну фактически навсегда. Его книги были убраны из многих библиотек, и ссылаться на них не рекомендовалось. После публикации этого интервью в «Телескопе» и несколько отличающегося варианта (беседа оказалась очень объемной) в «Социальной реальности» (2006, № 12) многие узнали о социологе первого поколения, даже имя которого им было не известно. Через четыре года много интересного о зарождении «ленинградской социологической школы» вспомнил Э.В. Беляев (2010, № 3), дольше Шляпентоха живущий в США.

В практике интервьюера мне помогает то, что в начале исследования мне пришлось узнать всю гамму чувств, которые переживает человек, *рассказывающий свою биографию*. В конце января 2005 года Н.Я. Мазлумянова, закончившая тогда редактировать мою первую книгу из «гэллапиады», предложила мне рассказать о себе для «Социологического журнала». Будучи членом коллектива, которым руководил Г.С. Батыгин, она в тот момент обладала не меньшим, чем мой, опытом проведения биографических интервью и хорошо знала методологию этого типа опроса. Для меня беседа с Мазлумяновой («Социологический журнал», 2005, №4) оказалось прекрасной школой в области построения диалога с моими респондентами, я начал понимать состояние человека, рассказывающего о себе, осознавать существование границ пространства биографического диалога, за которые было бы лучше не заходить. Мое погружение в «роль» интервьюируемого продолжилось весной 2006 года, когда я отвечал на вопросы о прожитых годах, прежде всего в Америке, Фирсову; мы поменялись с ним ролями (2006, № 3). Я мог сравнивать ощущения, испытываемые респондентом при рассказе о себе человеку, которого в тот момент мало знал (Мазлумянову) и человеку, рядом с которым прожито более половины жизни и с которым привык делиться многими жизненными проблемами.

Письмо Ядова от 3 января 2008 г. еще раз предоставило мне шанс побыть респондентом. Он писал: «Не знаю, хватит ли мне времени и способностей, но хотел бы предпринять интервью с тобой наподобие тех, что ты осуществил с коллегами. Это было бы и справедливо и поучительно. Главное, что представляется мне ценным, – артикулировать узловые точки твоей методологической саморефлексии, лабораторию мыслительного процесса». Принципиально новым для меня в этой беседе оказалось фокусирование Ядовым широкого спектра вопросов, относящихся именно к моей работе по историко-биографической тематике. Фактически, это интервью стало подведением итогов развития исторической рубрики в течение первых трех лет ее существования (2008, № 1, 3) и импульсом для продолжения этой работы.

История должна быть многолюдной и писаться многими

Во второй половине лета 2006 года количество проведенных бесед приблизилось к десяти и стало понятно, что при соблюдении определенной системы правил электронное интервью является *валидным, эффективным* приемом получения историко-биографической информации. Возникло желание завершить сбор данных и переходить к их анализу; отчасти эта установка отражена в указанной выше статье «Биографии для истории». Но ряд обстоятельств препятствовали этому. Во-первых, в тот момент было несколько начатых интервью, они ожидали завершения и публикации. Во-вторых, во мне проснулся азарт собирателя, коллекция требовала пополнения. Но главное – все полнее становилось осознание того, что история российской социологии должна быть *многолюдной*.

В подготовленной под редакцией Г.С. Батыгина книге о российской социологии 60-х годов [8], с которой собственно начинается изучение современной истории нашей науки, представлены биографические интервью с узким кругом социологов старшего поколения, основная часть которых к тому моменту давно работала в Москве; преимущественно это были доктора наук, руководители крупных научных коллективов. Причины такого формирования массива собеседников очевидны, но в середине первого десятилетия нового столетия понимание прошлого и стремление к формированию информационного задела для будущих историко-научно-исследовательских разработок требовало расширения состава опрашиваемых. К тому моменту обогатилось когортное строение социологического сообщества и значительная часть социологов стала создателями, руководителями и сотрудниками независимых организаций, работающих в области прикладных социологических исследований, ощущалась также необходимость в расширении географии проекта. К тому же, электронная почта стала обыденностью для большинства российских социологов.

Особую значимость в развитии моего исследования имела онлайн-беседа с А.Б. Гофманом, которую я решил проводить после того, как в нашем интервью Ядов назвал его среди наиболее заметных социологов, родившихся в конце 30-х – первой половине 40-х годов. Ранее я интервьюировал только тех, с кем был лично знаком многие годы, с кем работал вместе, кто относился к «ленинградской социологической школе», кто имел опыт проведения опросов и использовал жесткие методы социологии. Здесь все было иным, я знал лишь книгу Гофмана «Лекции по истории социологии». Это заставило меня отказаться от уже апробированного плана – хронологического «раскручивания» беседы и начать с обсуждения основных направлений его исследований. Работа наша началась в конце августа 2006 года и обрела привычный мне характер после того, как в конце того года мы встретились в Москве. Беседа пару раз прерывалась, но в начале 2007 года все было завершено (2007, № 2).

К настоящему моменту проведено несколько электронных интервью с социологами, с которыми я пока не встречался, и у меня нет оснований допускать, что избранная методология и техника биографического интервьюирования работает в этом случае хуже, чем при проведении бесед с лично знакомыми мне людьми.

Интервью с М.Е. Илле было проведено в связи с 10-летием «Телескопа», но в нем были и вопросы личного характера (2007, №1). Оно положило начало изучению плохо известной мне по личному опыту части нашего социологического сообщества. Речь идет о социологах, родившихся в 1947–1958 годах и образующих «четвертое социологическое поколение».

Более пристальное освоение жизненных траекторий представителей этой профессиональной генерации началось весной 2007 года в беседе с М.А. Тарусиным, с которым в конце 80-х я работал во ВЦИОМе. Он оказался первым из моих собеседников, учившимся именно «на социолога». Воспоминания Тарусина о годах обучения в МГУ и о его работе в различных исследовательских и аналитических социологических и политехнологических организациях сразу обнаружили некоторые специфические черты рассматриваемого поколения социологов («Социальная реальность», 2007, №7). К настоящему моменту в «Телескопе» размещены еще несколько интервью с представителями четвертого поколения российских социологов. Это Ю.М. Беспалова (2011, № 1), Е.А. Здравомыслова (2009, № 6), Л.А. Козлова (2011, №3), А.Ю. Мягков (2010, № 2), В.В. Семенова (2010, № 6) и А.Е. Чирикова (2010, № 1). Кроме того, два интервью с исследователями этой когорты опубликованы в «Социологическом журнале»: с В.А. Бачининым (2010, №3) и В.И.Ильиным (2010, №2), и почти завершена беседа с А.А.Давыдовым. Мне вообще не известны историко-социологические проекты, включающие изучение этой общности, и потому рассказанное ее представителями представляется крайне значимым для понимания процессов формирования нашего сообщества.

В период интервьюирования Т.И. Заславская (2007, № 5; «Социологический журнал», 2007, № 3) и Д.Л. Константиновский были москвичами, В.Э. Шляпентох уже многие годы был профессором Мичиганского университета, но значительная часть их жизни и работы прошла в Новосибирском академгородке. Таким образом, беседы с ними автоматически несколько расширили географию проводимого исследования, вывели его за границы Москвы и Петербурга. Но первым из респондентов, чья вся трудовая деятельность (после обучения в МГУ) прошла вне двух столиц, был В.А. Артемов. Он рассказал о становлении и развитии социологии в Новосибирске (2008, №5) и поделился воспоминаниями о двух ученых, имена которых отражены в истории нашей науки, но информации о жизни которых крайне мало. Это – Г.А. Пруденский, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, и Д.И. Чесноков, руководивший его кандидатским исследованием. Воспоминания Артемова об этих ученых очень скудные, но уверен, сказанное им постепенно найдет место в крупных панно нашего прошлого.

Позже интервью были проведены с социологом из Иваново А.Ю. Мягковым и из Тюмени – Ю.М. Беспаловой. Интересны рассказы петербуржцев Б.Г. Тукумцева (2009, № 5), одного из пионеров развития социологии в Самаре и в Поволжье в целом, и В.И. Ильина, много лет проработавшего в Сыктывкаре.

В совокупном массиве накопленных в нашей науке биографий ученых до последнего времени не было тех, кто работает в независимых организациях и прежде всего фокусирован на проведении прикладных политических, социальных и маркетинговых исследований. Обсуждаемый проект в настоящее время содержит биографии нескольких человек, которых с полным правом можно назвать пионерами в разработке этих направлений. Среди имен, названных выше, это: Илле, Кесельман, Могилевский и Тарусин. Сейчас добавлю к этому перечню: Т.З. Протасенко (2011, №2), Ф.Э. Шереги (2007, № 5; «Социальная реальность», 2007, № 9) и Н.В. Ядова (2009, № 2).

Есть основания в качестве особой группы социологов, плохо представленной в биографической литературе, назвать тех, кто в течение многих лет изучал трудовые отношения непосредственно в цехах, на заводах, на производстве. Я не сразу пришел к беседам с этими специалистами, но сейчас уже многое рассказано ими для использования

в исторических исследованиях. Назову этих социологов: А.Н. Алексеев (2006, № 5), Н.И. Лапин («Социологический журнал», 2007, №1), Б.И. Максимов (2007, № 4), Ж.Т. Тощенко («Социологический журнал», 2007, № 4), Б.Г. Тукумцев, А.А. Русалинова (2009, № 6), Н.В. Ядов.

Столь же бедно в специальной литературе представлены жизнеописания ученых, «призванных» в социологию для решения проблем формирования выборки и математического анализа данных. Среди моих собеседников есть несколько человек, прошедших этим путем: Д.Л. Константиновский, Г.И. Саганенко (2010, № 5), Е.С. Петренко («Социальная реальность», 2007, № 2), Ф.Э. Шереги; есть ожидающие своей публикации беседы с А.А. Ослоном и Ю.Н. Толстой. К этой же группе специалистов я отношу и себя.

В моем исследовании не ставилось цели формирования репрезентативной в статистическом плане выборочной совокупности респондентов. Прежде всего, в силу неопределенности границ, параметров генеральной совокупности и сложности ответа на вопрос о том, кого относить к социологам. Ясно, что признак «базовое образование» здесь не работает, похоже, что среди ученых старше 65 лет просто нет дипломированных социологов. Есть и множество других сложностей в очерчивании генеральной общности; к примеру, «время пребывания в социологии», т.е. продолжительность работы в этой сфере. Мое решение подсказано практикой. Социолог – это человек, «много» лет работающий в социологии, регулярно публикующийся и известный специалистам, работающим, по крайней мере, в той же исследовательской нише. Среди критериев отбора собеседников *нет требования* наличия научных степеней и званий; шестеро из них не имеют научной степени, но – большой опыт работы и признание коллег.

Стремление обеспечить «многолюдность истории» – это и есть реальный путь *повышения логической репрезентативности* проводимого исследования, ибо он ведет к расширению границ *биографического и историко-научного анализа*. Увеличивается число *жизненных траекторий* социологов, что и составляет базу биографических изысканий и обобщений, а также обогащает архив «*кейсов*» для углубления понимания прошлого.

Интервью с российскими социологами составляют значительную часть публикаций в рассматриваемой рубрике «Телескопа», но это – лишь около половины представленного в ней материала. Кроме того в ней представлены: воспоминания ряда социологов о себе и коллегах, описание проектов, в которых они участвовали, статьи о жизни и творчестве социологов, обсуждение методологии исторических и биографических исследований, дискуссии относительно места биографических данных в освещении прошлого. Авторами этих материалов являются социологи, многие годы отдавшие становлению и развитию нашей науки и непосредственно наблюдавшие описываемое ими. Мне приятно назвать имена ученых, авторские тексты которых представлены в рубрике: А.Н. Алексеев, В.А. Артемов, Г.С. Батыгин, Э.В. Беляев, Ю.М. Беспалова, О.Б. Божков, Б.А. Грушин, И.С. Кон, Л.А. Козлова, Ю.Л. Неймер, Л.Н. Столович, Ч. Симонович, А.И. Пригожин, Т.З. Протасенко, Л.Н. Федотова, Б.М. Фирсов, Д.Н. Шалин, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов.

У истории должно быть «человеческое лицо»

Трудно переоценить значение фундаментальной книги «Социология в России» [9], вышедшей под редакцией В.А. Ядова более десяти лет назад. Это многофункциональная работа, в том числе – и историко-научная. В ней приведено порядка трех тысяч имен ученых, внесших свой вклад в развитие важнейших направлений советской/российской социологии. Но все они – лишь *разработчики* определенных проектов и *авторы* статей и книг. Завершив чтение этого труда, мы почти ничего не знаем о тех, кто стоял у истоков нашей науки и кто первым присоединился к ним.

История доперестроечной советской социологии, написанная Б.М. Фирсовым [4], – пример иного рода. Здесь социологи представлены не только через совокупность

изучавшихся ими социальных проблем, но уже как люди с конкретными профессиональными взглядами, политическими и гражданскими воззрениями. Еще более отчетливо установка Фирсова на осмысление поведения социологов в профессиональной и внепрофессиональной сферах их жизнедеятельности просматривается в его монографии о разномыслии в СССР [10]. Героями этой книги являются не только социологи, но важно то, что и они присутствуют в этой работе.

В свете сказанного многолюдность истории советской/российской социологии это *не только наполненность* повествования о ее развитии по возможности бóльшим количеством участников этого процесса и описанием результатов их труда.

Многолюдность подразумевает присутствие в *описании прошлого нашей науки* также условий и особенностей предбиографии и ранней социализации будущих социологов (воспитание и обучение), процесса освоения ими профессиональных знаний, траекторий их вхождения в науку, выбора ими поля собственных исследований. Поскольку наука не делается в одиночку, постольку повествование должно содержать информацию о людях, повлиявших на профессиональные интересы ученых и составляющих круг их друзей и ближайших коллег. Другими словами, о *коммуникационных сетях*, в которые входит человек.

Эти и подобные соображения, которые постепенно становились теоретико-методологическими принципами построения биографического интервью, были результатом работы над «гэллэпиадой» и смутно осознавались мною уже при написании биографического очерка о Грушине в 2004 году. К примеру, в этом ключе рассматривалась причастность Грушина к группе «диастанкуров», в которую кроме него входили А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили и Г.П. Щедровицкий (2004, № 4). Тремя годами позже, отталкиваясь от этих соображений, была написана небольшая статья о Г.В. Старовойтовой (2007, №6), в которой развиваемый подход к изучению постхрущевского периода российской социологии обозначался как попытка написания *«истории с человеческим лицом»*. Этот подход трактовался как мягкая альтернатива институциональному видению истории, в которой социология трактуется прежде всего как социальный институт.

Движение Старовойтовой от социолого-антропологических исследований в сторону правозащитной и депутатской деятельности рассматривалось в привязке к ее раннему погружению в молодежную андеграундную и диссидентскую среду Ленинграда, культивировавшуюся во второй половине 60-х в кафе «Сайгон». Через полгода в статье памяти В.Б. Голофаства (2008, № 2; «Социальная реальность», 2008, № 3) его путь в социологию и характер его научной риторики соотносились с его еще юношескими поисками себя в поэзии и определенной включенностью в «сайгонскую культуру».

Можно сказать, что в 2007-2009 годах происходило создание методологии историко-биографических исследований на *микроуровне*, или на *индивидуальном уровне*; я имею ввиду написание биографий отдельных социологов. Так, вслед за статьями о Стровойтовой и Голофастве были написаны социокультурные портреты А.Н. Алексева (2009, № 4; «Социологический журнал», 2009, №3), Б.Г. Грушина («Социологический журнал», 2007, № 4; 2010, № 2; 2010, № 5), Здравомыслова (2008, № 4), Ю.А. Левады («Социальная реальность», 2007, № 6; «Социологический журнал», 2008, № 2), Б.М. Фирсова («Социологический журнал», 2009, №2) и другие.

Термин «история с человеческим лицом» применительно к изучению прошлого советской/российской социологии исходно трактовался мною *узко*, имел внутреннее значение и обозначал специфику моей устремленности к анализу собираемого историко-биографического материала и отбору статей для публикации в исторической рубрике. Сейчас я интерпретирую этот термин *шире*, распространяя его на подходы, разрабатываемые и другими социологами.

Так, многолюдные картины профессиональной и внепрофессиональной деятельности социологов, присутствующие в «Драматической социологии...»

А.Н. Алексеева [11] и в написанной им в соавторстве с Р.И. Ленчовским книге «Профессия – социолог» [12], являются, в морем понимании исследованиями, выполненными в парадигматике «истории с человеческим лицом». Этот вывод делается не только потому, что в названных работах «присутствуют» и «говорят» десятки социологов, но в силу сквозных для этих работ методов анализа социальных конфликтов, в которых социологи участвуют в многочисленных ролях. Я имею в виду авторскую *рефлексию* и *саморефлексию*.

Био-критический или *критико-биографический* анализ Д.Н. Шалиным (2011, № 4) различного рода информации о жизни и творчестве социологов тоже дает пример разработки «истории с человеческим лицом». В его композициях и комментариях социологи предстают не только как разработчики социальных проблем и создатели теоретических конструкций, но и как члены профессиональных и коммуникативных общностей.

«*Очеловеченное*» прошлое советской/российской социологии предстает перед нами и в мемуарах социологов старших поколений. Укажу здесь лишь несколько имен авторов подобных работ: И.В. Бестужев-Лада, Я.И. Гишинский, Т.И. Заславская, И.С. Кон, С.А. Кугель, Э.В. Соколов. В этом же ряду имеет смысл рассматривать сборники воспоминаний о действующих и умерших социологах. Например, юбилейный сборник о В.А. Ядове, сборники памяти Л.А. Гордона, Б.А. Грушина, Л.Н. Когана, Ю.А. Левады. Рождается и новая форма фиксации коллективной памяти о человеке-исследователе: *именные мемориальные чтения*. Так, состоялось несколько семинаров памяти Г.С. Батыгина, В.Б. Голофаства, Б.А. Грушина, Т.М. Дридзе, Л.Н. Когана, А.О. Крыштановского, Ю.А. Левады, А. Г. Харчева.

Появление «мягких» подходов к анализу биографического материала и стремление к его использованию в историко-научных штудиях обусловлены самой *логикой развития* российской социологии и желанием найти ответы на *вызовы времени*. Социология как наука одновременно институциализируется и все более становится *саморазвивающейся, автономной* системой, в которой значительную роль играют отдельные ученые и коммуникационные сети. Соответственно, многие процессы, происходившие в ней, наблюдаемые сейчас и уходящие в будущее, могут быть изучены, поняты и зафиксированы лишь в рамках «истории с человеческим лицом».

Думаю, что близким к «истории с человеческим лицом» является подход к исследованию прошлого нашей науки, обозначаемый А.Н. Алексеевым историей отечественной социологии «в лицах» [12, Том.2, Гл.6]. Он размещает его в пространстве «личностного науковедения»².

При решении ряда проблем, касающихся интервьюирования социологов и использования получаемой информации в исторических исследованиях перспективной может оказаться субъектно-объектная трактовка социолога, предлагаемая В.И. Ильиным. Он видит в социологе, с одной стороны, носителя знаний об истории своего профессионального сообщества и, с другой, представителя определенной эпохи с присущими ей ценностями и формами социальной деятельности (2010, №5).

Мне представляется, что рубрика «Современная история российской социологии», открывающая каждый выпуск «Телескопа» на протяжении последних *семи лет*, стала своеобразным *журналом в журнале*. В этом монотематическом (по истории постхрущевской социологии) «журнале» за прошедшие годы опубликовано около сотни различного вида материалов, а их общий объем – свыше 90 авторских листов.

---

² Я благодарен А.Н. Алексееву за ценные замечания по тексту статьи. Его комментарий, приводимый в этом примечании, будет проанализирован в одной из последующих работ: «У меня нет отличного от тебя подхода в этом деле. История социологии “в лицах” - это просто другое название для твоей истории социологии «с человеческим лицом». Так же, как и “личностное науковедение”. Я в данном случае иду в твоём методологическом фарватере».

Подавляющее большинство публикаций, увидевших свет на страницах «Телескопа», можно прочесть на сайте журнала, и к тому же размещены на сайте +++ российско-американского проекта [“Международная биографическая инициатива”](#) (МБИ), созданного весной 2006 года [13]. За прошедшие пять лет на сайте, содиректорами которого являются Шалин и я, собрана наиболее полная коллекция интервью с российскими социологами, представлена различная биографическая информация и размещено множество статей по методологии биографического метода и его роли в исторических исследованиях. Недавно состоявшаяся дискуссия показала, что вокруг «Телескопа» и МБИ сложился «незримый колледж», который объединяет исследователей биографического метода, работающих в разных, но близких парадигмах [14].

Так что многолюдная история пишется многими.

Двухконусная модель генезиса современной российской социологии

Тема генезиса современного этапа советской/российской социологии обсуждалась мною во многих статьях в этой рубрике. В настоящем разделе я ограничусь приведением экспертных позиций в пользу утверждения о том, что на рубеже 1950-х–1960-х годов произошло не возрождение российской социологии, но ее *второе рождение*, и опишу новую, *геометрическую модель* этого процесса.

Впервые концепция второго рождения российской социологии была изложена мною в конце октября 2007 года. Но к тому времени уже существовало некое эмпирическое подтверждение возможности рассуждать подобным образом. Так, при обсуждении темы генезиса современной российской социологии с Т.И. Заславской она сказала: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас» («Социологический журнал», 2007, № 3, с. 166). Теперь укажу вывод Ж.Т. Тощенко: «...поэтому в этом случае более уместно говорить о втором рождении социологии, которая во многом носила сугубо осовремененный характер, больше обращала внимание на аналогичные исследования за рубежом в этот период» («Социологический журнал», 2007, №4, с. 166-167). Аналогично итожил свою точку зрения на эту тему и Шереги: (2007, № 5, с. 13): «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов».

Тем не менее, имея приведенные экспертные суждения, я и далее обсуждал эту тему с моими собеседниками. Приведу мнение В.И. Ильина: «Я согласен, что в период «оттепели» не было речи о возрождении отечественной социологии. Она рождалась в закамуфлированной попытке интеграции тогдашней западной социологии в прокрустово ложе советского марксизма-ленинизма и реалий политической и духовной жизни СССР» («Социологический журнал», 2010, №2, с. 159). Э.В. Беляев работал в первой в СССР социологической лаборатории В.А. Ядова с начала ее существования. Его высказывание – это суждение очевидца: (2010. № 3, с. 11): «Полностью согласен с тобой. Как бы это ни называлось, но не было никакой преемственности, именно потому, что мы не знали, что было в этой области до революции и вплоть до 1930-х годов. Мы только знали, что что-то было. <...> Что касается эмпирической социологии, то даже если б мы знали раннюю советскую эмпирическую социологию, как она могла бы нам помочь с ее устаревшими методами?» Обстоятельно описал начало развития социологии В.А. Артемов, приведу его завершающие слова: «А в итоге получается, что современная социология родилась уже в послевоенной стране. <...> Если же отвечать именно на поставленный вопрос, то склоняюсь “ко второму рождению”. К моей исследовательской области этот ответ больше подходит» (2008, №5, с. 14).

Косвенным, но вписывающимся в общий фон свидетельств об отсутствии какой-либо связи исследователей первого поколения социологов со сделанным их российскими предшественниками является анализ авторефератов докторских диссертаций В.А. Ядова (1967 г.) и А.Г. Здравомыслова (1969 г.). Эмпирической базой обеих диссертаций был

проект «Человек и его работа», но внимание Ядова фокусировалось на методологии социологического исследования, а у Здравомыслова центральными были проблемы изучения социальных интересов. Безусловно, в авторефератах цитировались работы Маркса и Ленина, отмечалось сделанное в соответствующих направлениях советскими социологами, кроме того, оба диссертанта называли ряд фамилий американских социологов. Но ими не было ни словечка сказано об исследованиях дореволюционных социологов и тех, кто работал в 20-х годах.

Завершаю коллекцию мнений экспертов двумя замечаниями В.А. Ядова. Сначала приведу его моментальную реакцию на отправленный ему еще до публикации текст, в котором впервые обосновывалось суждение о втором рождении российской социологии: «...отличная и аргументированная статья. Термин “возрождение” нашей социологии я отныне забыл. Действительно, было становление социологии заново» [15]. Теперь – несколько необычное подтверждение этого обещания. Накануне 65-летия со дня Победы Ядов побывал дома у своего друга, участника войны В.Н. Шубкина и с его слов написал короткий рассказ-лубок. В нем есть такие слова: «Здесь надо сделать отступление и напомнить, что «...В.Н. Шубкин принадлежит к поколению социологов шестидесятников, усилиями которых наша область знания явилась заново после сорокалетнего запрета» [16].

Итоги рассмотрения вопроса о генезисе постхрущевской социологии и ее отношения к дореволюционной и ранней советской социологии могут быть иллюстрированы с помощью простой «*двухконусной*» модели, которая, мне кажется, отражает многое из сказанного экспертами. Замечу, что развитие науки, как и ряда эволюционных процессов, удобно и эффективно представлять в виде конуса, обладающего многими интересными математическими свойствами. К примеру, траектория движения сверху вниз по поверхности конуса, если это не падение по его образующей, дает расширяющуюся спираль. Наоборот, подъем от основания конуса к его вершине – сжимающаяся спираль.

Представим себе прямой конус, направленный вдоль оси времени, его основание расположено на уровне начала XX века, а вершина – конец 1930-х годов. Этот конус задает характер изменения дореволюционной русской социологии и ее перехода в раннесоветскую. В годы Гражданской войны резко сократилось число социологов, изменился их состав, произошло «сжатие» социологии как науки по всем критериям, принятым в науковедении и наукометрии. К концу 30-х социология в СССР как самостоятельная наука *выродилась в точку*, этому ее состоянию отвечает вершина конуса.

На рубеже 50–60-х стал формироваться новый конус, его вершина расположена над вершиной старого, а расширение происходит вверх вдоль оси времени. Пространство, прилежащее к новой вершине, указывает на существование небольшой группы социологов первого и второго поколения и области их научной деятельности, которая быстро формировалась, но оставалась весьма ограниченной. Затем идет слой, отвечающий периоду формирования социологов третьего поколения и совокупной сферы деятельности трех когорт ученых. Над ними – еще более широкое пространство – это область активности представителей уже четырех поколений. И так далее.

Подобно любой знаковой модели конструкция двух конусов имеет ограниченную объяснительную и эвристическую функцию. Но она несет в себе *импульс* для содержательных, собственно историко-биографических размышлений и исследований.

Приложение

В Таблицах 1, 2 фамилии моих собеседников, с которыми были проведены биографические интервью, сгруппированы по поколениям социологов. Алгоритм формирования «лестницы поколений» и критерии отнесения социологов к той или иной

профессиональной когорте описаны мною в ряде статей. Наиболее полно эта тема освещена в работах [17], [18].

Таблица 1.

Список социологов, интервью с которыми опубликованы в «Телескопе»

Собеседник	На момент проведения интервью		Год публикации
	Научн. степень	Город	

Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения

Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	2006
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	2006
Ядов В.А.	д.ф.н.	Москва	2005

Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х -1934

Алексеев А.Н	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Баранов А.В.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Гилинский Я.И.	д.ю.н.	С.-Петербург	2005
Максимов Б.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2007
Русалинова А.В.	без степ.	С.-Петербург	2009
Тукумцев Б.Г.	к.ф.н.	С.-Петербург	2009
Фирсов Б.М.	д.ф.н.	С.-Петербург	2005

Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения

Артемов В.А.	д.ф.н.	Новосибирск	2008
Беляев Э.В.	к.ф.н.	США	2010
Божков О.Б.	без степ.	С.-Петербург	2011
Гофман А.Б.	д.с.н.	Москва	2007
Докторов Б.З.	д.ф.н.	США	2006
Ионин Л.Г.	д.ф.н.	Москва	2007
Кесельман Л.Е.	без степ.	Германия	2005
Константиновский Д.Л.	д.с.н.	Москва	2006
Могилевский Р.С.	к.ф.н.	С.-Петербург	2006
Панова Л.В.	к.э.н.	С.-Петербург	2008
Протасенко Т.З.	без степ.	С.-Петербург	2011
Саганенко Г.И.	д.с.н.	С.-Петербург	2010
Смирнова Е.Э.	д.ф.н.	С.-Петербург	2006
Толстова Ю.Н.	д.с.н.	Москва	в печати
Травин И.И.	к.ф.н.	С.-Петербург	2008
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	2007

Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения

Беспалова Ю.М.	д.с.н.	Тюмень	2011
Давыдов А.А.	д.ф.н.	Москва	в печати
Здравомыслова Е.А.	к.с.н.	С.-Петербург	2009
Илле М.Е.	без степ.	С.-Петербург	2007

Козлова Л.А.	к.ф.н.	Москва	2011
Мягков А.Ю.	д.с.н.	Иваново	2010
Семенова В.В.	д.с.н.	Москва	2010
Чирикова А.Е.	д.с.н.	Москва	2010
Ядов Н.В.	к.п.н.	С.-Петербург	2009

Таблица 2.

Список социологов, интервью с которыми опубликованы в «Социологическом журнале» (СЖ) и «Социальной реальности» (СР)

Собеседник	На момент проведения интервью Научн. степень	Город	Год публикации / журнал
------------	---	-------	-------------------------

Социологи первого поколения: 1923 – 1934 годы рождения

Заславская Т.И.	д.э.н.	Москва	СЖ / 2007
Здравомыслов А.Г.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2006
Лапин Н.И.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007
Шляпентох В.Э.	д.э.н.	США	СР / 2006

Социологи второго поколения; годы рождения: конец 20-х -1934

Столович Л.Н.	д.ф.н.	Эстония	СЖ / 2010
Тощенко Ж.Т.	д.ф.н.	Москва	СЖ / 2007

Социологи третьего поколения: 1935 – 1946 годы рождения

Докторов Б.З.	д.ф.н.	США	СЖ / 2005
Петренко Е.С.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007
Шереги Ф.Э.	к.ф.н.	Москва	СР / 2007

Социологи четвертого поколения: 1947 – 1958 годы рождения

Бачинин В. А.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Ильин В.И.	д.с.н.	С.-Петербург	СЖ / 2010
Тарусин М.А.	без степ.	Москва	СР / 2007

Литература:

1. Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян. Социологические очерки. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.
2. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.
3. Докторов Б.З. Не терять преемственности // Социологические исследования. 1987. № 1. С. 118.
4. Фирсов Б.М. История советской социологии 1950–1980-х годов. Курс лекций. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2001. Приложение 1. С. 245-258.
5. Электронное письмо Б. Докторову Б. Фирсову от 17 сентября 2004 г.

6. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.
7. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.
8. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
9. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
10. *Фирсов Б.М.* Разномыслие в России. 1940–1960-е годы. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2008.
11. *Алексеев А.Н.* Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4-х т. СПб.: Норма, 2003–2005.
12. *Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И.* Профессия – социолог. (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН – 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х т. СПб.: Научно-информационный центр «Мемориал», Норма, 2010.
13. Международная биографическая инициатива
<<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>
14. Форум: Биографика, социология и история. Протокол № 1. О «незримом колледже» и биографических интервью // Под ред. Б. Докторов и А. Алексеева
<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html>
15. Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 октября 2007 г.
16. *Ядов В.А.* Как командир орудия сержант Шубкин, ныне гл. научный сотрудник Института социологии, встретил немецкого солдата и ударил его по физиономии. <<http://bd.fom.ru/pdf/shubsm.pdf>>.
17. *Докторов Б.З.* Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум. 2009. №11. С. 45-54
<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_02_forum.pdf>.
18. *Докторов Б.З.* Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007-2009 / Отв. ред. Л.А.Козлова. М.: ИСИ РАН. 2010. С. 44-63.

**

VII. Расширение круга. Уточнение формата дискуссии

Включение 23. Д. Шалин - А. Алексееву, Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, Б.Фирсову, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эшштейну

21.09.2011

Привет из Лас Вегаса.

Неделю назад я разослал информацию об МБИ Форуме своим коллегам, которых мог заинтересовать наш разговор. Из 14 человек более половины откликнулись, и у всех нашлись добрые слова в адрес нашего начинания.

В числе тех, кто нашел время ответить, Игорь Клюканов, профессор Университета Восточного Вашингтона, главный редактор журнала [Russian Journal of Communication](#) и автор недавно опубликованной книги [Principles of Intercultural Communication](#). Игорь охарактеризовал наш разговор как “the most interesting polemics” и пообещал добавить “two rubles’ worth [of]” соображений по темам нашего разговора. Его особенно интересуют вопросы, связанные с проблемами коммуникаций. Игорь поинтересовался, нельзя ли опубликовать часть нашей переписки у него в журнале.

Интерес к МБИ форуму выказали Ольга Шевченко, профессор социологии Вильямс колледжа и автор книги [Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow](#); Лариса Ременник, профессор социологии Университета Бар-Илан в Израиле, автор исследования эмигрантов из России [Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict](#); Михаил Эпштейн, профессор Университета Эмори, автор многих работ, включая опыт взаимной биографии с Сергеем Юрьененом [Энциклопедия юности](#).

Блэр Рубл, директор Института Джорджа Кеннана в Вашингтоне, поделился своими соображениями и предложил следующее наблюдение по одной из ключевых тем нашего разговора:

“The discussion leading up to Dmitri Shalin’s article is of interest for a number of reasons, not the least for what it reveals about how humans reformulate the past to make sense of what has happened. In recalling the period and in reading about various individuals in Shalin’s discussion it becomes apparent that there were smart and honorable sociologists and intellectuals who stayed in the Soviet Union, and who decided to leave. Often the factors leading to individual choices were quite personal. After the fact people naturally want to make their decisions appear to have been the right one. Some sociologists, such as Shalin himself, were young enough upon arriving in the US to be re-trained in an American graduate program. This opportunity was critical for enabling some scholars to better integrate into the American academic community. Others, due to their training, intellectual perspective, and personalities, never were able to enter the American mainstream (perhaps to the detriment of American sociology). In reality, some of those who did not become integrated into American academic life would not have done so anywhere. On the other hand, there are numerous examples of scholars in the social sciences who chose to remain in the Soviet Union and remained honorable and thoughtful observers of social reality. Shalin’s discussion offers an important reminder that there can be no easy evaluations of human behavior.”

Надеюсь, наши корреспонденты найдут время развить свои мысли, по-русски или по-английски. Редакция *Телескопа* подумывает открыть новую рубрику в журнале, посвященную проблемам мемуаристики, биографики и биокритики. Если получится, то можно будет что-то опубликовать из материалов нашего форума.

МБИ форум существует немногим более двух месяцев, и как водится с начинаниями такого рода, его судьбу трудно предсказать. В 1640-ых в Оксфорде появилась группа интеллектуалов, объединенных научными интересами и интенсивной перепиской. Из этой межличностной сети, вошедшей в историю под названием Invisible College, выросли Королевское общество и первый научный журнал *Transactions*. К середине 1700-ых в Париже сложилась группа философов-энциклопедистов (Дидро, Д’Аламбер, Гольбах, Гельвеций, Руссо), чьи идеи положили начало эпохе Просвещения. Конец 18-го века в Германии ознаменовался появлением на свет кружка Гете и Шиллера, в орбите которого сложилась школа философов-литераторов Романтического направления. В середине 19-го века возникло движение американских

“трансценденталистов” во главе с Эмерсоном и Торо, а немного позже в Гарварде начинает работать “Метафизический клуб” Чарльза Пирса и прагматистов. Под влиянием работ Фреге и Рассела в начале 20-го века складывается группа логиков-математиков, вошедшая в историю под названием “Венский кружок”, а как реакция на позитивизм – экзистенциализм парижских интеллектуалов с Сартром и Камю во главе.

Было еще множество других сетей, чья история стерлась из памяти или малоизвестна. Подозреваю, что наше сетевое содружество ждет именно такая судьба. Тем не менее, чего-то мы добились, и хочется верить, что ученые с интересами в области истории науки и биографических исследований еще долго будут заглядывать в интернетный архив МБИ.

Всего доброго, Дмитрий Шалин

**

Включение 24. А. Алексеев – Д. Шалину. Копия – Б. Докторову

22.09.2011

Здравствуйтесь, Дима!

Отрадно, что интерактивная аудитория нашего Форума расширяется также и в Западном полушарии. Правильно ли я понял, что Вы послали своим коллегам и дискуссию 1 (О “незримом колледже” и биографических интервью) - http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.html; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Comments/collegeinvisible_11.pdf, и кумулятивный файл дискуссии 2 (Биография и биокритика), и свою “телескоповскую” статью (В поисках нарративной идентичности...) - http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html; http://www.unlv.edu/centers/cdclv/pragmatism/shalin_id_11.pdf (сужу по заметке Б. Рубла)?

Со своей стороны, если случится что-либо рассылать в рамках МБИ-форума, я буду пользоваться всеми адресами, указанными в Вашей последней рассылке: <...> (20 адресов. – А. А.)

Посылаю Вам кумулятивный файл дискуссии 2, пополненный “новыми поступлениями”.

Ваш - Андр. Алексеев.

**

Включение 25. Б. Докторов – Д. Шалину. Копия – А. Алексееву

22.09.2011

Дима, безусловно рад прочесть твое сообщение о выходе дискуссии за пределы «незримого колледжа» и, возможно, расширении не только дискуссии, но и самого «колледжа». В связи с этим я вернусь к тому, о чем я писал тебе во вторник, еще не зная о твоей рассылке нашим «западным» коллегам.

Вот кусок того текста:

.. тот формат, на который мы вышли, уже не есть дискуссия, ты помнишь, как мы начинали Дискуссию-1? ..короткие реакции, пояснения.. сейчас – длинные и многоаспектные тексты.. это уже «заочная конференция».. иной формат.. фактически, каждый выступает с докладом, сообщением.. и сейчас уже всем (возможно, кроме Андрея, тебя и меня) трудно обозревать дискуссию.. все читать, препарировать.. мне кажется, что, приняв концепцию «заочной конференции» (или что-то в этом роде), мы можем (?) оживить обмен мнениями.. в этом случае надо рассылать не один сводный текст, но отдельный текст (доклад).. или, разместив КАЖДЫЙ на сайте, дать возможность нашим коллегам комментировать отдельные «доклады»..

Я только что посмотрел новый сводный текст, который нам прислал Андрей, это свыше четырех авторских листов, немало.. и даже чуток больше, чем Протокол № 1. Нарастивать его уже нельзя, это будет, как «шутили социологи» перед перестройкой по поводу коллективных монографий – «братская могила».. уже сейчас нужны не только обозначения «Включений», но какой-то внутренний гид.. оглавление.. а если представить оба Протокола? ..вернусь к сказанному.. нужна уже иная форма нашего взаимодействия.. ведь, ты понимаешь, форма – не пассивна.. если тебе не очень кажется «заочная конференция», давайте поищем что-то иное....

Добавлю к перечисленным тобою успешным и многополезным творческим объединениям команду в основном французских (но не только) математиков, известную под именем Никола Бурбаки,
Всего, Боря

**

[Включение 26. А. Алексеев – Б. Докторову, Д. Шалину. Котия – Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой.](#)

22.09.2011

Уважаемые коллеги и друзья!

Посылаю не всему нашему разрастающемуся Форуму, а пока только тем, кто стоял «у истоков» его, чтобы не «надоедать» всем остальным с нашими оргвопросами.

Да, я еще в первой дискуссии ([О "незримом колледже"](#) и т. д.) не без сомнения вставлял в протокол тексты больше 5 страниц. А тут уже пошли по 1-1,5 печ. листа. И еще на очереди – Фирсова, мой, да и Димину статью ([«В поисках нарративной идентичности...»](#)) надо бы вставить, поскольку все ее обсуждают. Как же разрешить проблему формата, поставленную Борисом?

Я думаю, что все же это **дискуссия**, а не **заочная конференция**, поскольку в последней все произносят свои доклады, заготовленные заранее, а тут каждый последующий текст является откликом на предыдущий (предыдущие). Поэтому давайте трактовать *дискуссию* расширительно, как обмен мнениями и соображениями, иногда противоречащими, иногда дополняющими друг друга.

Что отсюда следует практически?

*Каждый из участников дискуссии «имеет право» разослать в адреса других ее участников (всех или только тех, кому это, по его мнению, наиболее интересно и / или чье мнение его интересует больше всего, а также, при желании, с добавлением новых адресатов) любой свой (или, может быть, чужой) текст (ну, разумеется, не монографию), релевантный теме Форума (сформулированной достаточно широко: «**Биографика, социология и история**»)). Понятно, в расчете на отклик. Ну, как минимум – для сведения.*

Отклики также могут быть избирательными - адресованными *только одному, некоторым или всем*. Иногда они получают развернутыми, приобретают вид *самостоятельных статей*.

Все что, не будучи приватным, отправлено также на адрес редактора-протоколиста (каковым я сам себя назначил), заносится в «протокол» дискуссии. Этот протокол уже не рассылается всем (чтобы не запутаться), хотя всегда доступен каждому участнику дискуссии (если кому понадобится).

После того, как шеф-редактор текущей дискуссии (обычно это ее «затравщик»; в настоящий момент им является Д. Шалин) сочтет тему более-менее исчерпанной и напишет некое резюме, дискуссия целиком помещается на сайт МБИ. (Что не мешает еще раньше размещать там наиболее крупные и принципиальные тексты-материалы дискуссии).

Разумеется, при публикации на сайте МБИ, текст протокола должен быть вычитан, авторизован основными участниками и – не нарушая хронологического порядка - структурирован (оглавление и т. п.), в интересах удобства восприятия.

Вот такой *формат* и *алгоритм*. Собственно, они были опробованы на первой дискуссии. Просто увеличиваются масштабы, растет драйв некоторых участников дискуссии, дискуссия обретает новые черты и формы. Why not?

Ваш – Андрей Алексеев.

**

Включение 27. Б. Докторов – А. Алексееву. Копия - , Д. Шалину, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой.

22.09.2011

Ладно, пока не убедил.. жизнь покажет.. Боря

**

Включение 28. Д. Шалин - А. Алексееву, Б. Докторову, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой. Копия - Р. Ленчовскому.

22.09.2011

Добрый день, Андрей, Борис, Наташа, и Лариса.

Действительно, МБИ Форум ширится тематически, географически, по числу участников и языку корреспонденции. Тем не менее, я согласен с Андреем – Why not? Плохого в этом мало, возможны непредвиденные ходы, а интернет (почти) все выдержит.

Я бы не стал включать в кумулятивный файл особенно длинные тексты, такие как моя статья в *Телескопе* о нарративной идентичности, поскольку она вывешена на [нашем сайте](#) и доступна всем, у кого есть доступ к интернету. Если таковой отсутствует, то можно переслать текст под скрепкой.

Вряд ли стоит высылать кумулятивный файл с каждым включением. Новых участников Форума можно адресовать к переписке, вывешенной на сайте МБИ, добавив еще не опубликованные материалы. Андрей любезно согласился собирать наши послания воедино, (за что я ему признателен), а когда придет время вывешивать текст, то общий файл можно разослать всем участникам с просьбой просмотреть и поправить соответствующие места.

Адресаты, указанные в моем последнем послании можно подключить к будущим рассылкам. Любопытные соображения по поводу нашего форума высказал Володя

Магун. Владимир Паперный, Александр Жолковский, Том Кушман выразили интерес к нашему начинанию. Напишут ли что, не знаю, но пока не стоит включать их в переписку.

У Фирсова почти готова статья, которую он обещал выслать в начале октября. Ленчовский, похоже, что-то пишет. Анна Готлиб собиралась подключиться к разговору. Так что, будем красить забор... <...>

Всем привет, Дмитрий

**

***Включение 29.** Б. Докторов – Д. Шалину. Копия - А. Алексееву, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой*

23.09.2011

Дима, давай поживем так.. посмотрим.. твое замечание о том, что не стоит размещать особенно длинные тексты, уже шаг в том направлении, которое я и предлагаю.. практика покажет... пусть дольше над всеми нами светит яркое невадское и калифорнийское солнце, капает грустный ленинградский дождик и приходит к нам то чувство покоя, которое было еще на нашей памяти в Арбатских переулках и в том уголке Москвы, который простирается от метро «Сокол» в сторону Живописной улицы (Институт Курчатова).. Боря

**

(Продолжение этой дискуссии, имевшее место в конце сентября 2011 г., см. в протоколе № 2-2, пока не завершено. Нижеследующий комментарий шеф-редактора данной дискуссии Д. Шалина было написано непосредственно перед размещением протокола № 2-1 на сайте «Международная биографическая инициатива» - в начале октября 2011 г. и относится только к уже опубликованным частям МБИ-форума. – А. А.)

***Включение 30.** Д. Шалин - А. Алексееву, Э. Беляеву, Л. Борусьяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову, О. Шевченко, И. Ременнику, И. Клюканову, М. Эпштейну*

1.10.2011

Дмитрий Шалин

Предварительные итоги МБИ Форума “Биографика и Биокритика”

Наш разговор начался с попытки осмыслить природу интеллектуального сообщества, сложившегося вокруг проекта “[Международная биографическая инициатива](#)” (МБИ). Борис Докторов увидел в нем пример “незримого колледжа” – группы ученых, объединенных общими интересами, связанных интенсивной, главным образом заочной коммуникацией, и работающих в организационных формах, характерных для эпохи интернета.

Этот разговор вскоре перекинулся на методологические и этические проблемы исследования истории российской социологии “в лицах” – типологии биографических интервью, природы бионарратива, достоверности биоинформации, ответственности интервьюера перед респондентом и общих принципов мемуарной этики.

Электронная версия первой части МБИ Форума “БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ” была опубликована на нашем сайте под названием “[О “незримом колледже” и биографических интервью](#)”. Ее редактор, Борис Докторов, подвел итоги первой части дискуссии и передал эстафету Дмитрию Шалину, чья статья “[В поисках нарративной идентичности...](#)” и комментарий “[О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике](#)” послужили толчком Форуму 2, озаглавленному “Биографика и биокритика”. Дискуссия на эту тему быстро набрала обороты, и поскольку общий объем корреспонденции уже перевалил за сто страниц, организаторы Форума решили разделить ее на две части, первая из которых вывешена на сайте МБИ:

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.pdf

Я предлагаю далее называть форум, посвященный незримому колледжу и типам интервью – [МБИ Форум 1](#), первую часть дискуссии о биографии и биокритике – [МБИ Форум 2.1](#), и вторую часть форума по этой проблематике – Форум 2.2. Если дискуссии в рамках МБИ Форума “БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ” продолжатся, их можно будет обозначить как “МБИ Форум 3”, и т.д.

Тематически, границы между основными узлами МБИ Форума очерчены нестрого. Ключевые проблемы переходят из одной дискуссии в другую, ранее сформулированные идеи подвергаются критике, уточняется и развивается понятийный аппарат биографики и биокритики. В то же время постоянно обозначаются новые темы и перспективные проблемы научного поиска.

Как зачинщик МБИ Форума 2, я попробую подвести промежуточные итоги дискуссии с учетом того, что корреспонденция по данному кругу проблем продолжает поступать и еще предстоит подытожить общие результаты настоящей фазы Форума. Мой комментарий адресуется корреспондентам, представленным в первой части Форума 2.

***

Я благодарен всем, кто откликнулся развернутым комментарием на дискуссию о достоверности интервью и мемуарной этике, – Андрею Алексееву, Ольге Маховской, Владимиру Шляпентоху, Блэру Рублу, а также тем, кто приветствовал идею Форума и со временем может стать (или уже стал) его участником – Владимиру Ядову, Борису Фирсову, Анне Готлиб, Игорю Ключанову, Ольге Шевченко, Ларисе Ременник. Настоящую часть дискуссии замыкает статья Бориса Докторова, где он подводит итоги семилетнего исследования по истории российской социологии “в лицах”, начатой серией публикаций в журнале *Телескоп*.

Андрей Алексеев в целом согласен с моей позицией о достоверности биоинтервью и правомерности биокритического подхода, но выражает тревогу по поводу не всегда обоснованной критики в адрес социологов, которых уже нет в живых. “Но я бы наложил хотя бы 10-летний «мораторий» на обсуждение наших покойных коллег – хоть интервьюируемыми, хоть интервьюерами, хоть мемуаристами, хоть исследователями – в

любом аспекте, который мог бы как-то затронуть их честь и достоинство или мог дать повод для опровержения (самозащиты), будь человек жив... Этаким бестактностью в отношении тех, кого уже нет с нами, грешат и некоторые материалы на сайте МБИ. Что уже вывешено - убирать не надо, только впредь – модерировать (или, если угодно, цензурировать)” (Алексеев, А. [МБИ Форум 2.1](#), включение 2).

Проблема серьезная и решить ее в общем виде сложно, поскольку четких критериев изъятия сомнительных суждений нет. Если мы начнем заниматься цензурой, то остановиться будет трудно. Следуя логике Андрея, нужно было бы исключить критику наших коллег, прозвучавшую в ходе настоящей дискуссии. Андрей прежде всего озабочен репутацией умерших коллег, но проблема не снимается и в случае ныне здравствующих людей. В [интервью 1990-го года](#), Левада несколько пренебрежительно высказался о Борисе Работе, а Работ, ознакомившись с этим интервью, в свою очередь критиковал Леваду в своем [интервью 2008](#) года. Во многих интервью звучит критика в адрес Руткевича, Осипова, Сигова, Парыгина. Стоило ли ее цензурировать, и если да, то как нужно было решать вопрос в каждом случае – консенсусом, большинством голосов, давать каждому заинтересованному лицу право вето?

Как замечала Лариса Козлова, социолог здесь “близок к проигрышу в любом случае: или он “обеляет” кого-то (что-то) и искажает изучаемую картину, или он не грешит перед научной достоверностью, но становится мишенью для коллег, обвиняющих его в скандальности или непорядочности” (Козлова Л. [“Биографическое исследование российской социологии...”](#)).

А вот, что писала по схожему поводу Патриция Босворт, автор недавно опубликованной биографии Джейн Фонда: “The biggest disadvantage a biographer has with a live subject is that biographer cannot always be as honest as he or she wants. Jane has given me access; I did not want to betray her; I felt very protective, so I weighed carefully what to leave in and what to take out” (J. Bosworth, [“Connected, Darkly, to Jane Fonda”](#), *New York Times*, September 26, 2011). Босворт продолжает: “I observed many Janes. I saw the Jane with the agenda; the girlish, self-effacing Jane when she’s with men; the armchair shrink Jane who spouts advice about sex and love and exercise as if by rote when she’s on TV; the ruthless, hard-as-nails Jane in business and self-promotion; the generous Jane with friends in need; the loving grandmother-matriarch Jane; the celebrity Jane who in May walked down the carpet at Cannes in a glittery white gown and left all the young starlets in her dust.”

Это наблюдение имеет прямое отношение к нашей дискуссии о достоверности биоинформации и границах знания о том, ““что было на самом деле” в прошлом” (Шляпентох, В. [“Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам?”](#)). Достоверностью отличается не та интерпретация, где биограф докопался до “настоящей Джейн Фонда”, а реконструкция, которая описывает реального человека во всей его или ее противоречивости. Задача интерпретатора – по возможности вычислить вероятность того или иного типа поведения в общей структуре стохастического процесса, именуемого термином “личность”.

Классическая теория и методология социального исследования мало уделяет внимания проблемам экологической достоверности данных. Тут я согласен с Шляпентохом, хотя есть и чрезвычайно интересные исключения (см. Aaron Cicourel, *Method and Measurement in Sociology*, Free Press, 1964). В своем посте от 30.08.2011 ([МБИ Форум 2.1](#), включение 5), Володя пишет, “я буду благодарен Вам, если Вы найдете один параграф в работах Ваших невадских коллег, посвященный этой проблеме в публикациях их результатов”. Я спросил специалиста по массовым опросам у себя в департаменте, и она подтвердила, что

американские социологи мало интересуются вопросами такого рода. Но вот выдержка из публикации одного невадского социолога по теме дискуссии:

“The problems I found in this study are endemic to survey research. Those working in this venerable tradition scout the popular domain for opinions, stereotypes, and discourses commensurate with the zeitgeist. Having zeroed in on a verbiage making round in a given population, survey researchers find reliable expressions of popular sentiments and invite respondents to separate those they subscribe to from those they decry. The resulting measurement instrument reliably gauges the respondents’ knee jerk reaction to a stereotypical expression in a context-free setting. Yet the more reliable the measurement it produces, the farther removed it is from the confused realities respondents experience in everyday life where their verbal attitudes are inexorably tied to the context and their behavior proves highly situational. The validation process must take the researcher outside the verbal domain into the ecologically realistic situation. Otherwise, the context-impooverished verbal markers get disconnected from the situationally-bound conduct, as the artificially induced reliability of survey data is purchased by the ecological validity of nonverbal behavior. Put differently, the relationship obtaining between reliability and validity is that of uncertainty – the two cannot be maximized simultaneously with an arbitrary precision. One way we can counteract the tendency to sacrifice validity to reliability in survey research is to supplement survey data with the insights from participant observation and ethnographic studies.” (Shalin, D. [Review of Immigration Phobia...](#), pp. 379-80; см. также Шалин. Д. [“Феноменологические основы теоретической практики...”](#), с. 99-100)

Это наблюдение напрямую не связано с другими аспектами опросов общественного мнения, интересующих Шляпентоха, в частности с проблемой заведомо ложных ответов респондентов. Володя скептически относится к “готовности... респондентов говорить “правду, только правду и всю правду””, упрекая американских социологов в нежелании “даже упоминать при характеристике респондентов такие термины, как “искренность”, “ложь”, “ложные ответы”” (Шляпентох, В. [МБИ Форум 1](#)). По мнению Шляпентоха, этим грешат и Мелвин Кон, и Роналд Ингледгард. Последний, например, “ без всяких хитростей спрашивал жителей в авторитарных страна, что они думают о власти, насколько они доверяют официальным ценностям и т.п.”

Не буду вдаваться в тонкости интерпретации данных опросов общественного мнения в авторитарных странах. Замечу лишь, что понятие “ложности” данных интервью бессмысленно без понятия их “истинности” – конкретный ответ можно определить как заведомо ложный только, только когда мы знаем истинное положение вещей. В случае биоинтервью ситуация осложняется тем, что ответ респондента может быть одновременно честным и фактически неверным. Здесь следует разводить понятия “истинность”, “ложность” и “правдивость”. *Истинность* требует подтверждения биоданных независимыми источниками, *ложность* предполагает намеренное искажение существа дела, *правдивость* характеризует респондента, который искренне отвечает на вопросы, но может заблуждаться в конкретных фактах. Качество биоинформации не всегда очевидно, но мы не без ресурсов при ее оценке.

Никто не станет обвинять Ядова в лжесвидетельстве, когда он по памяти восстанавливает обстоятельства перевода книги Гуда и Хатта и его воспоминания оспариваются другими свидетелями (см. Мазлумянова Н., [МБИ Форум 1](#)). Презумпция правдивости здесь полностью оправдана, хотя установить последовательность событий и роль людей, имевших отношение к данному вопросу, сейчас уже не представляется возможным. Другое дело, когда Парыгин дает интервью, где утверждает, что “я первый “подставился””,

бросил вызов, за который потом годами пришлось расплачиваться”, что при советской власти ему “досталась судьба изгоя и изгнанника”, что как “лидера международного ревизионизма” его вызывали на ковер в высокие инстанции и осуждали за потерю “идеологической выправки” (см. [“Борис Парыгин”](#), *Очень*, 2005, № 4, январь). Здесь более чем уместны сомнения по поводу его правдивости. Достаточно вспомнить роль Парыгина в деле Валерия Голофаства, где он в качестве председателя комиссии обвинял в “недостаточной идеологической зрелости коммуниста В.Б. Голофаства”, или сетовал на отсутствие в среде ленинградских социологов той самой “идеологической выправки”, из-за отсутствия которой его самого якобы подвергли гонениям (см. Божков, О. и Протасенко, Т., [“Гляжу в себя как в зеркало эпохи”](#). *Телескоп* // 2005. № 6. с. 2-13). Тут можно припомнить и роль “первого ученика”, которую Парыгин сыграл в разгоне отдела Ядова в ИСЭПе. А если принять во внимание, что Ядов публично порвал с Парыгиным, то публикацию последним в 2005-ом году фотографий, на которых Парыгин запечатлен с его “другом” Ядовым, можно считать просто непристойной.

Согласно Володе Шляпентоху “нельзя респонденту верить ни в чем”, тем более респондентам биоинтервью, которые “преданы разным идеологическим догмам, все время обеспокоены своим престижем, тем как они выглядят в глазах интервьюера и будущих читателей” (см. [МБИ Форум 2.1](#) и [МБИ Форум 1](#)). Володя готов распространить это суждение и на себя как респондента биоинтервью, но тут возникает любопытная коллизия.

1. Имярек утверждает, что нельзя доверять респондентам биоинтервью, поскольку они преданы идеологическим догмам, и т.д.;
2. Имярек является респондентом биоинтервью;
3. Имярек утверждает, что ему нельзя доверять, поскольку он...

и далее по силлогизму. Утверждение типа “нельзя респонденту верить ни в чем” опровергает само себя, если оно сделано респондентом (вспомним “парадокс лжеца” и теорему неполноты). Вопрос о достоверности биоданных нужно решать в конкретной ситуации применительно к конкретному респонденту и его конкретному суждению.

* * *

Ольга Маховская с сожалением отмечает отсутствие МБИ для естествоиспытателей, многие из которых нашли работу на Западе и не поддерживают активных связей с коллегами из России (см. [МБИ Форум 2.1](#), включение 3). Действительно жаль. Но почему бы не начать работу в этом направлении? Я и мои коллеги будем рады поделиться опытом. На сайте [Центра демократической культуры](#) найдется место и для такого проекта. Была бы изначальная воля к созданию сетевого сообщества у самих физиков, разбросанных судьбой по странам и континентам, а там уже дело пойдет. Конечно, тут нужны ресурсы – время, технические средства, организационная структура, и прежде всего инициатива физиков со связями в России и за ее пределами. На этот счет стоит посоветоваться в российских академических кругах, например с С.А. Кугелем из Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.

У Ольги Маховской большой опыт работы с российскими эмигрантами во Франции и США, а также по психологии науки. Ее интересует психология памяти, изучающая “закономерные искажения информации” и имеющая отношение к интерпретации данных биоинтервью. “Я проводила исследования динамики образов значимых событий, в которых люди принимали участие”, пишет Ольга, “и могу сказать, что искажения возникают с самого начала, память даже не получает значительной доли информации,

если она противоречит положительному образу “Я” респондента. Все, что делает его незащищенным, ставит под сомнение его репутацию, закрывает перспективу стирается, или запоминается как попало” (см. Маховская, О. [МБИ Форум 1](#), отметина 62).

Обращает на себя внимание следующее наблюдение Ольги: “Я не встретила ни одного ученого с амбициями, особенно мужчины, который не любил бы несколько преувеличить свою роль в истории, в том числе и истории науки. Потому что наши достижения отстают от признания и принятия, в котором мы нуждаемся” (см. Маховская, О. [МБИ Форум 1](#), отметина 64). Было бы интересно исследовать гендерные различия в реконструкции нарративной идентичности как ученых, так и не ученых. Среди индикаторов контент-анализа биоинтервью в базе данных МБИ я выделил различные способы оценки собственных достижений российскими социологами. Надо будет учесть и гендерные факторы, чтобы проверить гипотезу Ольги насчет тенденции интеллектуалов определенного пола преувеличивать свои научные заслуги.

Важно положение Маховской о том, что позиция интервьюера “определяется личной биографией самого исследователя, который принадлежит к изучаемому им же сообществу” (см. Маховская, О. [МБИ Форум 1](#), отметина 65). Эту же мысль высказывали Мазлумянова, Козлова, Докторов, Алексеев и другие участники Форума. Согласно Маховской, “если интервьюер связан личными отношениями сотрудничества или дружбы со своими респондентами, то степень искажения резко нарастает. Такой фактор как «симпатия-антипатия» перекашивает сведения в пользу «симпатичных» событий и людей. Он настолько силен, что не зависит от воли участников, их IQ” (см. там же). Следует изучить эффект сопричастности и содружественности в работе интервьюеров – и не только как источник ошибки, но и как биокритический ресурс.

Направленность критики в биокритическом исследовании требуют дополнительной рефлексии. “Вопрос, в какой мере эта критика возможна, когда тебе потом с респондентом и его товарищами по жизни рядом идти? Или позиция исследователя провокационная, и критика – как прием стимулировать воспоминания и рассуждения респондентов? Или критичность – как свойство любого научного ума, с той и другой стороны («Умные люди знают, о чем идет речь, умные люди договорятся»). Или это скепсис по отношению к прошлым событиям и теориям, масштаб которых кажется мизерным по сравнению с развитием социологии на Западе? Или за этой «критичностью» - комплекс благодарности времени и людям, голоса которых хочется сохранить в максимальной первозданности, потому что они уходят? ” (см. там же). Согласен с Маховской и в том, что надо изучать особенности самосознания ученых организаторов, компиляторов, маргиналов, и лидеров научных школ и направлений (см. Маховская, О. [МБИ Форум 1](#), отметина 65).

Ольга обратила внимание на роль эмоций в биокритическом исследовании, на тот факт, что ““аффективные” индикаторы интервью, зависят в большей мере от культурно-заданных сценариев. Этим объясняется, почему субъект ведет себя внешне адаптивно, разумно, перспективно, а при этом испытывает чувство стыда, горечи и отчаяния. Так можно понять и известный эмигрантский феномен – ностальгия” (см. Маховская О., [МБИ Форум 2.1](#), включение 3). Ностальгией в среде эмигрантов я не занимался, в академической среде ее особенно не замечал, хотя вопрос, несомненно, заслуживает внимания. Меня больше интересовало распределение в биоинтервью аффективных маркеров – радость, страх, гнев и спокойствие (см. D. Shalin, [Emotion Template Matrix Chart](#)) – и их концентрация в разных жизненных сферах. Например, в [интервью Игоря Кона 1999-года](#) можно найти наблюдение, что “почти в каждом из нас жил внушенный с раннего детства страх. Из моих близких никто не был репрессирован, но я на всю жизнь

запомнил, как в 1937 году у нас в комнате, на стенке карандашом, незаметно, на всякий случай, были написаны телефоны знакомых, которым я должен был позвонить, если мою маму, беспартийную медсестру, вдруг арестуют”. А в [интервью 1996 года](#), Игорь рассказывал: “На лекциях у физиков я получал такое удовольствие. Я аж рисовался, меня собственная внешность [занимала]... Помню, я надел новый костюм и галстук, а там выходили знакомые ребята из ЛИТМО, и один из них сказал: «Игорь Семенович, вы такой красивый сегодня вообще». Я сам себя чувствовал красивым.” Интервью на нашем сайте, особенно биокритически ориентированные, переполнены такого рода эмоциональными индикаторами, и как мне кажется, они могут помочь нам понять феноменологические особенности исторического бытия личности и общества.

* * *

Как справедливо замечает Блэр Рубл, были “умные и порядочные социологи и интеллектуалы, решившие остаться в Советском Союзе и принявших решение покинуть страну” (см. Blair Ruble, [МБИ Форум 2.1](#), включение 23, перевод мой). В этом Блэр сходится с Андреем Алексеевым: “То обстоятельство, что человек однажды принял то или иное ответственное жизненное решение (скажем, покинул отечество, вступил в «передовой отряд строителей коммунизма» или же уклонился от этой «чести», «вышел на площадь», подписал письмо в защиту инакомыслящего или целиком посвятил себя «науке и только науке») само по себе не должно быть предметом - ни гордости, ни смущения, ни восхищения, ни сожаления. И только в контексте всего жизненного пути и «суммарных» жизненных итогов следует рассматривать и оценивать эти важные, но вовсе не самодостаточные и не всеопределяющие жизненные шаги и обстоятельства” (см. Алексеев А., [МБИ Форум 2.1](#), включение 6).

Блэр также обращает внимание на то, что люди склонны в своих воспоминаниях “представлять свой выбор как правильный”. Судьба российских социологов в Америке сложилась по-разному, продолжает Рубл, и здесь многое зависело от личной адаптируемости, возможности получить американское образование, и т.д.

Было бы интересно обсудить с Блэром его впечатления о российской социологии эпохи застоя и ее трансформации в перестройку и постсоветский период. В аспирантские годы Блэр стажировался в Ленинграде, где я с ним познакомился в начале 70-х. И другие американские социологи и политологи провели значительное время в России (Wesley Fisher, Jerry Pankhurst, Michael Sacks), и я надеюсь, что не за горами время, когда они засядут за мемуары. Их взгляд на возрождение социологии в России, ее эволюцию и современный статус, равно как и на полемику в МБИ Форуме, нам был бы в подспорье. Не так давно я пытался связаться с Весли Фишером по этому поводу, но не смог разыскать его координаты (если кто их знает – отзовитесь).

Истории социологии посвящена статья Бориса Доктора “К семилетию рубрики «Современная история российской социологии»” (см. [МБИ Форум 2.1](#), включение 23а), где он подводит итоги своей кропотливой работы по изучению советской и постсоветской социологии, отраженной в биографиях ее основателей и действующих лиц. Не буду подводить итоги подведению итогов, отмечу лишь личностное измерение научных интересов Бориса.

Перечисляя мотивы, побудившие его начать сбор интервью с российскими социологами, Борис первым делом отмечает “собственное многолетнее участие в социологических исследованиях и желание вернуться в свое профессиональное сообщество; к тому моменту я десять лет фактически находился в стороне от него”. Мне это наблюдение

кажется знаменательным. Социологическое воображение по сути своей биографично (см. D. Shalin, [Review of Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow](#), p. 548), во всяком случае, когда мы имеем дело со сложившимися учеными и талантливыми исследователями, каким я считаю Бориса (как, впрочем, и всех активных участников МБИ форума). Мы входим в мир науки, сформировавшийся до нашего рождения, и какое-то время движемся по инерции в русле существующих теорий, парадигм и методологических установок. Со временем мы находим свою линию исследования, где устоявшейся парадигмы может быть недостаточно, где требуется социологическое воображение. Истоки последнего в нашем личном опыте, в знании живота (*visceral knowledge*), в экзистенциальных установках, не всегда хорошо отрефлексированных. Дело это рискованное; реакция коллег на творческий полет фантазии часто бывает скептической; но если интеллектуалу удалось выйти на свою тему и отстоять ее в высоко-конкурентном мире науки, то это – счастье. Борису удалось задействовать личностное знание, оно уже дало нетривиальные результаты и еще будет приносить плоды всему нашему содружеству, и не только ему.

В заключение хочу отметить мысль Анны Готлиб о природе нашего незримого колледжа: “[С] радостью причислю себя к замечательному содружеству, хотя лично знаю немногих. Но, думаю, сегодня, в сетевой век, это и не обязательно. Думаю также, надо поискать основание, объединяющее таких разных людей... Может быть, это некоторая методологическая ориентированность профессионального сознания, всегда нацеленная на анализ не только того, “что” (содержания), но и того, “как”. Может быть, это высокая включенность в профессию, когда профессия перестает быть только ролью, и становится чем-то большим. “Социолог в России больше чем социолог”, если перефразировать Евтушенко. Возможно, это все вместе...” (см. Готлиб А. [МБИ Форум 2.1](#), включение 226).

“Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы ее жить”. Это ключевые положение философии Сократа далеко не бесспорно, но оно имеет прямое отношение к людям, втянутым в орбиту “Международной биографической инициативы”. Для большинства людей нашего круга профессиональная роль действительно неотделима от других личностных измерений их существования. Здесь я вижу истоки моего интереса к биокритике и автобиоокритике (отсюда и название смежного проекта [Bios Sociologicus: The Erving Goffman Archives](#)). Нет общества вне биографий его членов, и в той степени, в какой оно претерпевает кардинальные изменения, общество напрямую связано с автобиоокритической рефлексией людей данной исторической эпохи.

Памятуя, что полемика на МБИ Форуме продолжается, ставлю на этом точку и приглашаю участников нашего содружества продолжить дискуссию.

Дмитрий Шалин
Лас Вегас, 1.10.11

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МБИ-Forum 2-2. “Биография и биокритика”, часть 2

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf

http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.html